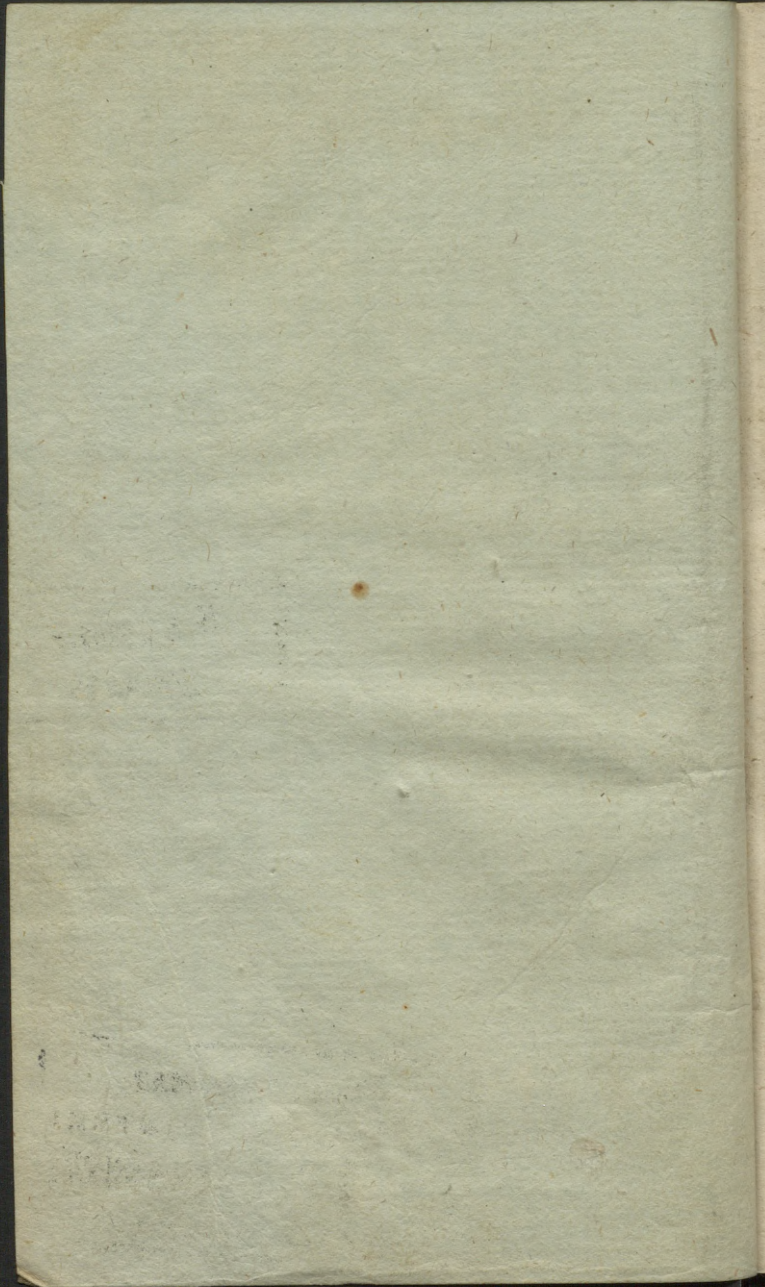

БИБЛИОТЕКА

В. и Г. КАЗАЩЕВЫХЪ

въ Екаторинбургѣ

Годъ 1877, книги 882, томъ II

Эккартсгаузен
ТЕРПИМОСТЬ
И
ЧЕЛОВЪКОЛЮБІЕ,

H-3
Э-38

ПРЕДСТАВЛЕННЫЯ

ВЪ ВИДѢ

Трогательныхъ Повѣствованій.

**Редкие
КНИГИ**

Сочиненіе

КАРЛА ЭКАРТСГАУЗЕНА.

ИНВ. 1936 г. № 99962

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

**Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск**

43

Печашать позволяешя съ шѣмѣ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изѣ Типографіи, предшавлены были вѣ Цензурной Комишешѣ: одинѣ экземплярѣ сей книги для Цензурнаго Комишеша, другой для Департаменша Министершва Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библиошеки и одинѣ для Императорской Академіи Наукѣ. Москва Маія 11 дня, 1817. года. Сію рукопись разсмашривалѣ Ординарный Профессорѣ и Кавалерѣ.

Левѣ Шевтаевѣ.

КАЛОСЪ

ПРОИЗШЕСТВІЕ,

Взятое изъ времянь гоненія
на Вьру.

Не лзя безъ ужаса вспомнить о временахъ минувшихъ — о шѣхъ временахъ, когда разумъ былъ въ оковахъ, а челоѳчество, спонавшее подъ бременемъ предразсудковъ, воздавало святошапное поклоненіе изувѣрству — сему гнусному изчадію ревности неисповой; здѣсь нѣжной другъ челоѳчества, взирая на буйныхъ варваровъ и поспыдныя дѣла ихъ, содрагается въ душѣ своей и горько вопіеть: О Боже! ужели это люди, сошворенные по образу Твоему? — —

Часть III

А.

Горестно сѣе воспоминаніе, но не менѣе необходимо: мы должны оглянуться на времена минувшія, дабы лучше видѣть настоящее и основательнѣе судить объ нихъ; ибо мы не можемъ сказать, лучше ли наши или хуже — попому, что мы не сравнивали ихъ съ прошедшими.

Вѣкъ нашъ не столько еще просвѣщенъ, чтобы исчезъ совершенно туманъ невѣжества и предрассудковъ, и чтобы духъ человѣческой, свергнувъ съ себя презрѣнную — такъ сказать — чешую заблужденій, воспарилъ къ понятнѣйшимъ высшимъ; еще просвѣщеніе и истинная Вѣра во Іисуса не очистили сердца столько, чтобы ненависть и духъ гоненія не подавляли въ человѣкѣ благороднѣйшихъ чувствованій, чтобы въ груди изувѣра не пылало неистовое мщеніе, и чтобы мы не могли страшиться тѣхъ ужасныхъ крово-

пролишій, которыя нѣкогда происходили къ спыду разума и чело-
вѣчества. И дѣйствительно есть
еще люди, кои держатся постыд-
наго предразсудка: *ненавѣдь и пре-
слѣдуй всякаго, кто не твоей Вѣ-
ры.* О люди! вы забыли ученіе
Спасителя, и спараетесь только
съ безчеловѣчїемъ нападать на
ближнихъ своихъ, и, во имя Бо-
жїе, грабить и умерщвлять, по-
добно свирѣпому шигру среди шва-
рей крошкѣхъ.

Жалю о васъ, несчастные! —
о васъ, коихъ душа погружена въ
шакомъ мракѣ и кои такъ низко
мыслятъ о челоѣколюбїи — сей
священнѣйшей добродѣтели. —
О! какъ желалъ бы я, чшобы они
познали свѣтъ истины, обрати-
лись бы къ разсудку и примири-
лись бы съ челоѣчествомъ.

Въ семъ намѣренїи хочу я ра-
сказать моимъ собратамъ произ-
шествїе, которое приведетъ серд-

це ихъ въ содраганіе, — и, при
всякомъ обѣ немъ воспоминаніи,
будешь твердить имъ: *человѣки!*
любите ближняго, и не илѣйте
ненависти къ нему за то, что его
наузили инаге мыслить, нежели
васъ.

Сіе произшествіе случилось въ
то ужасное для Германіи время,
когда тридцатилѣтняя Шведская
война — слѣдствіе ложной рев-
ности къ Вѣрѣ — все опусто-
шала.

Непонятно, отъ чего человѣкъ,
столь долго пользуясь ученіемъ
Евангелія, не обратитъ онаго въ
образованіе и исправленіе своего
сердца. Еще въ то время, когда
повсюду свирѣпствовали шмочи-
сленныя вражды и насилія, — еще
въ то время, когда миліоны лю-
дей дѣлались кровавыми жертвами
безчеловѣчія, — еще въ то время
Богъ заповѣдалъ любовь всеобщую;
и законъ сей начерталъ въ серд-

цѣ всякаго человѣка. Но при
 всемъ томъ люди едва находили
 минушны для размышленія, — и
 по тогда, когда уже, будучи упое-
 ны были кровію человѣческою,
 они приходили въ слабость и из-
 неможеніе. — Но приступимъ къ
 самому происшествію.

Еще и по нынѣ возвышается
 въ О * * * древняя крѣпость, ко-
 торая нѣкогда долго сопротивля-
 лась оружію Густава, наконецъ
 принуждена была уступить пре-
 восходству силъ и здаться. Она
 вѣнчаетъ вершину высокой горы,
 приводящей въ страхъ взоры пуп-
 ника. Съ восточной стороны сіе
 дивное зданіе нѣсколько обруши-
 лось, и представляетъ глазамъ
 одни остатки прежняго величія;
 въ немъ обитаютъ теперь толь-
 ко хищныя враны и змѣи ядови-
 тые. Съ трепетомъ удваеявъ
 шаги свои странникъ, проходя
 мимо его въ часъ полуночи, ког-

да раздаюся въ немъ завыванія
совы и свистъ змѣй шипящихъ.

Воины, неуспрашимо прошиво-
споявшіе мечамъ окровавленнымъ
и безпрепетно взиравшіе на гро-
мы пламень изрыгавшихъ орудій,
спрашились здѣсь спояшь на
спражѣ; ибо молва о привидѣні-
яхъ ужасала сердца самыя безбо-
язненные.

Зданія огромныя никогда не бы-
ваютъ въ доброй молвѣ у просто-
людимовъ; а преданіе содѣлало
ужаснымъ для всѣхъ валъ, окру-
жившій сію крѣпость. Многіе
увѣряли, что тамъ слышился
шумный стонъ умирающаго; а во-
ображеніе выдумало, что это былъ
духъ обитавшій въ подземельи.

Однажды досталось шумъ быть
на часахъ спарому воину, — смѣ-
лому и твердому, подобно булат-
ному его мечу; ничто не могло
устрашить его. Насталъ часъ
полуночи: глубокой мракъ и мерц-

вая пишина по всюду проспирали ужасъ ; въ сіе время воинѣ вдругъ слышитѣ голосъ , оглядывается вокругъ себя — и никого не видитѣ ; потомъ испускаетѣ спрашный крикъ и стрѣляетѣ въ землю. Звукъ удара повпорился въ громкомъ опголоскѣ ; но спонѣ все еще былѣ слышенѣ . — Смѣнившисъ съ часовѣ , онѣ обѣавилѣ о семѣ своему Офицеру. Спрахъ и удивленіе овладѣли всѣми , — никто не хотѣлъ шутѣ споятъ на спражѣ .

На другой день поспавили сюда молодато человекѣ . По опважности своей и безразсудспву онѣ хотѣлъ съ мужеспвомѣ пропиво-спашѣ не только одному , но и всѣмѣ духамѣ адскимѣ . Съ бодроспю и веселымѣ духомѣ пѣлъ онѣ пѣсни въ честь любви и вина , — какъ вдругъ услышалѣ жалобный голосъ , неоднократно повтораемый , а послѣ — довольно

большой стукъ подъ ногами.
 Храбрость его исчезла; онъ за-
 шрепешалъ и холодный потъ вы-
 ступилъ на лицъ его. Стукъ
 отъ часу становился громче, а
 голосъ явственнѣе. Съ ужасомъ
 дожидался онъ смѣны, — и при-
 шелъ къ своимъ товарищамъ съ
 смертельною на лицъ блѣдностію.
 Обо всемъ донесъ Порупчику, а
 сей Генералу В* * * Тутъ все
 пришло въ движеніе; всякой раз-
 казывалъ о духѣ *по своему*, и пред-
 ставлялъ его въ тысячъ различ-
 ныхъ видахъ. Сей случай обра-
 тилъ на себя вниманіе Генерала;
 онъ желалъ разпросить о семъ у
 тамошнихъ стариковъ, не зна-
 ютъ ли они о причинѣ сего стран-
 наго звука; потомъ велѣлъ раз-
 вѣдать въ городъ и крѣпости,
 но донесенія не были удовлеотво-
 рительны. О! это не новое, го-
 ворили ему всѣ: потому уже нѣ-
 сколько лѣтъ, какъ мы слышимъ

голосъ какого-то духа въ здѣшнемъ замкѣ! — При семъ всякой разказывалъ какую-нибудь басенку; но В*** не былъ доволенъ сими разказами, и положилъ за непремѣнное узнать о причинѣ сего съ большею основательностію.

Между тѣмъ подошелъ еще новый полкъ, для подкрѣпленія Шведской арміи, — и Генералъ В*** въ этотъ день пригласилъ къ себѣ обѣдать всѣхъ Офицеровъ. За столомъ онъ разказывалъ имъ о семъ происшествіи; для иныхъ оно казалось странно, для другихъ смѣшно, а для нѣкоторыхъ ужасно, — такъ что очень не многіе догадывались о подлинной причинѣ оного. Если и сего дня будетъ слышанъ сей голосъ, сказалъ Генералъ В***, то я прикажу копать на этомъ мѣстѣ; мнѣ хочется знать, не кроется ли шумъ что-нибудь важное. Мнѣ-

нiе Вашего Превосходительства справедливо; конечно это не безъ причины, — закричали всѣ молодые Офицеры въ одинъ голосъ; мы постараемся подлинно узнать о семъ привидѣнiи, если къ тому есть хотя малая возможность.

Госпи, вставъ изъ за стола, долго ходили по комнатамъ и разговаривали между собою; вдругъ молодому человѣку изъ Офицеровъ попадаетъ на глаза портретъ старика вида почтеннаго. Устремленные не подвижно взоры его не могутъ долго насмотрѣться на сiе изображенiе. “Что вы находите въ этомъ портретѣ особеннаго, спросилъ В * * * что вы такъ внимательны на него смотрите?” — Черты этого лица я вижу въ первой разъ, — отъ началъ молодой человѣкъ, — но въ нихъ я нахожу какое-то благородство, добродушiе и привлекательность. Судя по его плащю

надобно думать, что сей старецъ былъ нвсегда здѣсь наспо-ромъ. Участіе, какое внушаетъ въ меня его наружность, заставляетъ меня разпросить объ немъ у здѣшнихъ жителей; онъ долженствовалъ имѣть благороднѣйшую, чувствительную душу. — Непремѣнно, --- сказалъ В * * *, если только черты сіи не есть идеалъ живописца. Но мы узнаемъ объ этомъ основательнѣе. По короткости времени моего здѣсь пребыванія я ни съ кѣмъ шупъ не имѣю знакомства; однакожъ прикажу узнать, не знаютъ ли чего подробнѣе о семъ почтенномъ старцѣ.

Генералъ отдалъ повелѣніе, --- и къ нему представленъ былъ человекъ пожилыхъ лѣтъ, которой шупъ родился, выросъ и состарѣлся. Ему показали портретъ, --- и едва онъ увидѣлъ его, какъ воскликнулъ: „Ахъ! это доб-

рый Пасторъ . Каллосъ !“ --- и слезы навернулись на полуугасшихъ глазахъ его.

Стало шы короршко зналъ его, спросилъ В * * * скажи пожалуй, добрый шарикъ! гдѣ онъ шеперь находишся ?

Онъ умеръ , Ваше Превосходительство, --- или лучше сказать, его вдругъ неспало , и Богъ знаетъ, куда онъ дѣвался. А какой былъ пречестной и добрый пасторъ ! благодарительная рука его никому не отказывала въ помощи, и дѣлалъ добро всякому, кому только могъ; --- но Бургомистръ нашъ гналъ и нападалъ на него.

Какимъ это образомъ? —

Старшему сыну его не было еще пяти лѣтъ , какъ Каллосъ прѣехалъ къ намъ съ своей родины , о которой никто не зналъ ; онъ имѣлъ еще шрехъ дочерей и сына по одному году ; въ семь единственно соспояло наследство

послѣ покойной жены его. Съ нами раздѣлялъ онъ бѣдственное свое положеніе; былъ бѣденъ, и въ презрѣнїи --- но щастливъ въ самомъ себѣ. --- Нашъ Бургомистръ, ненавидѣвшій всякаго, кто не католикъ, гналъ его и лишилъ мѣста. Спашься можетъ, что онъ умеръ съ голоду и огорченїя, только его вдругъ не спало.

Боже мой! вскричалъ Генералъ: какіе есть на свѣцѣ сердца жестокія! -- и слезы чувствительности кашились по лицу благороднаго воина. Всѣ были пронужы, но участіе молодаго офицера было выше обыкновеннаго.

Всѣ единодушно благодарили добраго старика за сіе извѣстіе. Между тѣмъ вошелъ посланный отъ караульнаго офицера съ извѣстіемъ, что голосъ опять слышенъ. Тихая задумчивость и сожалѣніе о Калосѣ усупило мѣсто чувству любопытства. Ге-

нераль В * * * пошелъ съ ними къ валу, --- и всѣ слышали сей голосъ. Чѣмъ громче они разговаривали между собою, тѣмъ громче становился слышимой голосъ.

Я головой отвѣчаю! вскричалъ В * * *, что это не духъ; здѣсь, подъ сими мшистыми камнями, погребена пайна, которой открытіе приводитъ меня въ ужасъ. Господа! мы постараемся, узнать что шумъ кроется. ---

Всѣ ожидали чрезвычайнаго, боялись --- и молчали. Позвали поденщиковъ и велѣли имъ рыть на томъ мѣстѣ, откуда выходилъ голосъ. По снятіи верхняго слоя земли, увидѣли каменной сводъ, и не успѣли вынуть нѣсколько кирпичей, какъ пошелъ оттуда смрадъ, принудившій всѣхъ опойти отъ отвѣрстія. Генераль В * * * съ молодымъ офицеромъ бросились туда первые, и увидѣли --- --- поврышаго съ динами

999666
 старца, на землѣ лежащаго, ---
 который еще дышалъ. Внезап-
 ная перемена воздуха лишила его
 силъ; его ошшуда вынесли и ста-
 рались привести въ чувство.
 Ахъ! это Каллосъ! вскричалъ мо-
 лодой человекъ: это Каллосъ! пов-
 торилъ Генералъ В***, — Кал-
 лосъ! Каллосъ! всѣ кричали въ
 изумленіи. Генералъ В*** при-
 казалъ отнести пруженика къ
 себѣ въ комнату и прилагать
 къ немъ всевозможное попеченіе.
 Молодой человекъ, который ока-
 залъ такъ много чувствительности
 къ хладнымъ чертамъ его
 изображенія, ни на минуту не
 отходилъ отъ его постели, и съ
 сыновнею нѣжностію замѣчалъ
 всѣ движенія и дыханіе почтен-
 наго старца.

Черезъ нѣсколько часовъ Кал-
 лосъ пришелъ въ память и могъ
 говорить хотя слабымъ голосомъ.
 Но глаза его не въ силахъ

Отдел хранения
 Гос. Публ. Библиотеки
 им. В. Г. Болдинского
 г. Свердловск

были сносить свѣтъ дневный, — и нѣсколько громкая рѣчь казалась для него громомъ. Чувства его такъ были утончены, что сильное впечатлѣнiе причиняло боль ему. По прошествiи нѣкотораго времени, когда Каллосъ остался одинъ съ Генераломъ и молодымъ Офицеромъ, онъ началъ разказывать имъ свое происшествiе. Здѣсь узнали объ ужасной тайнѣ его заключенiя, — о тайнѣ, которой надлежало погибнуть вмѣстѣ съ симъ страдальцемъ, если бы провидѣнiю не угодно было сохранить жизнь его.

Ровно тридцать лѣтъ — сказалъ Каллосъ — спрдалъ я въ сей ужасной пещерѣ. Меня заключили въ нее не на жизнь, а на смерть мучительную; но Богу угодно было разрушить замыслы моихъ гонителей; я нашелъ тамъ

коренья и травы, которые до сихъ поръ составляли мою пищу.

Но какъ и кто тебя заключилъ туда, спросилъ В * * *.

Надобно вамъ сказать, продолжалъ Каллосъ, что я былъ здѣсь пасторомъ не большого сѣда; мирно жила паства моя и оказывала неограниченную покорность власти гражданской. Миролюбіе и доброе согласіе съ Каптоликами были первымъ моимъ попеченіемъ. Бургомистръ нашъ — думаю, его уже нѣтъ на свѣтѣ — возненавидѣлъ меня и преслѣдовалъ на всякомъ шагу. Ни скромность моя, ни строгость моей жизни не могли спасти меня отъ его злобы, — трудно и не возможно избѣгнутьъ гоненій сильнаго! — Онъ проклиналъ Лютеранъ и ненавидѣлъ ихъ, какъ лютейшихъ враговъ своихъ.

Боже! отпусти ему! Онъ часто нападалъ на меня, но я ни-

когда не старался вредить ему; не его была вина, что онъ шакъ мыслилъ. Наконецъ злоба его простерлась до того, что онъ лишилъ меня прихода; запретилъ мнѣ исправлять духовныя пребы, и подвергъ меня съ четырьмя дѣшми крайней бѣдности. Я отдался на волю судьбы моей, думая, что Богъ или вразумитъ моего гонителя, или скоро воззоветъ меня къ вѣчности. Я старался смягчить ожесточеніе моихъ прихожанъ, которыхъ крайне раздражилъ его поступокъ со мною: они все любили меня и облегчали бѣдность мою, по мѣрѣ возможности. Починая меня для себя необходимымъ, они убѣждали неостепенно, чтобы я тайно приходилъ къ нимъ для исправленія дѣлъ по моему пастырству. Я предвидѣлъ, чему я подвергалъ себя; но любовь къ нимъ превозмогла надъ страхомъ, — и

я съ швердоспїю на все рѣшил-
ся. — Вскорѣ объ этомъ узнали,
довели до свѣденїя Бургомистра
— и меня заключили въ шем-
ницу.

Въ бѣшенствѣ, подобно льву
разъяренному, онъ бросаешя на
меня — и конечно изорвалъ бы
меня по кускамъ, если бы злоба
его не изобрѣла смерти еще ужа-
снѣйшей. А! бездѣльникъ! вскри-
чалъ онъ: я клялся мстить тебѣ
смертію, и ты не минешь ее;
— но знай, эта смерть мучи-
тельнѣе и ужаснѣе колеса и са-
мыхъ костровъ. Вотъ удѣлъ
твой! ты и Вѣра швоя — сіи
трусныя изчадїя мрака должны во-
адъ низринуться. Живой ты
долженъ зашоченъ быть въ пе-
щерѣ, и тамъ проповѣдовать ад-
ское ученїе свое червямъ и жа-
бамъ; пускай шипящїя змѣи бу-
дутъ тебѣ собесѣдниками! вопли
и прокляшїя — молишвою, а оп-

чаянїе — жертвою на олтарь
твоимъ! уполяй жажду собствен-
ною кровію, а голодъ пѣломъ
твоимъ — и наконецъ адъ да
будетъ твоимъ удѣломъ!

„Ужасно! вскричалъ В***; вся-
кое слово твое раздраетъ мое
сердце и приводитъ меня въ со-
драганіе. Но скажи мнѣ, злопо-
лучной старецъ, какъ назывался
сей извергъ?“

Я думаю, его уже нѣтъ на свѣ-
тѣ. А имя его Гарпенштейнъ.

Какъ? сказалъ В***, Гарпен-
штейнъ? — Онъ живъ еще. О!
если это тотъ самый — да,
точно онъ долженъ быть. Я сей
часъ же пошлю за нимъ.

О! ради Бога не посылайте,
Ваше Превосходительство! возра-
зилъ Каллосъ: я давно простилъ
его, — да отпустишь ему и
Отецъ Небесный. Предоставте
его наказаніе упрекамъ совѣсни

и суду Божію; умоляю вас не мстити ему.

Но это не месить, друг мой! сказалъ В***, а должное и справедливое воздаяніе за нарушеніе правъ челоѳчества. Онъ преступникъ — и потому долженъ быть наказанъ по законамъ.

Дѣйствительно, дѣйствительно! подхватилъ съ живоспію молодой Офицеръ: какъ такой звѣрской поступокъ оставитъ безъ наказанія? Злодѣи оскорбляющій челоѳчество и попирающій права его, не заслуживаетъ ни пощады, ни сожалѣнія! Прощать изверговъ, значитъ давать примѣръ другимъ, увеличивать злодѣянія и вѣнчать торжествомъ злобу; вѣшь, — онъ долженъ понести справедливое и тяжкое наказаніе.

Генералъ В*** послалъ за Бургомистромъ, и когда явился Гаршенштейнъ, онъ поставилъ его прямо предъ портретомъ Калло-

са. Господинъ Бургомистръ! сказа-
 залъ В*** черты этого изобра-
 женія, которое вы видите, мнѣ
 очень понравились, — мнѣ бы
 хотѣлось знать и того, кого они
 представляющъ; не знаете ли вы,
 кто онъ былъ таковъ? — Гаршен-
 штейнъ пришелъ въ большое за-
 мѣшательство; смертная блѣд-
 носць покрыла лице его. Мнѣ
 помнился, Ваше Превосходитель-
 ство! сказалъ онъ прерывающимъ
 голосомъ — мнѣ помнился,
 что здѣсь --- когда-то былъ ---
 Люшеранскій --- Па, Па, Паспоръ,
 --- какъ бишь его имя? --- Ка-
 жется, Калосъ; такъ это его
 долженъ быть поршрешъ.

Да гдѣ же онъ теперь? или его
 нѣтъ давно на свѣтѣ? --- Мнѣ
 бы хотѣлось видѣть могилу эта-
 го, по видимому, почтеннѣйшаго
 человѣка; скажите пожалуйста,
 гдѣ онъ погребенъ?

Объ этомъ я не могу донести,
Вашему Превосходительству!

Не лзя ли какъ узнать по
крайней мѣрѣ?

Едва ли, Ваше Превосходитель-
ство! мнѣ помнится, что онъ не
здѣсь --- умеръ.

Очень хорошо! пусть съ ми-
ромъ покоится прахъ его! но еще
одно слово. За нѣсколько часовъ
предъ этимъ я сдѣлалъ странное
открытие; не можете ли вы мнѣ
облегчить трудъ въ изысканіи,
чтобы это значило? Нѣсколько
дней съ ряду мои солдаты, стоя
на часахъ въ крѣпости, слышавъ
тамъ голосъ. Мнѣ объ этомъ
было донесено; я, по привычкѣ
моей, ничего не оставляя безъ
ислѣдованія, хотѣлъ узнать объ
этомъ достоверно. Пошелъ самъ
туда --- и дѣйствительно услы-
шалъ этотъ стонъ непосижи-
мый. И на томъ мѣстѣ, откуда
да выходилъ звукъ, приказалъ

пошѣ часѣ же копать ; но представте себѣ , Господинѣ Бургомиспрѣ ! мы увидѣли тамъ спарца , совершенно одичавшаго . Я взялъ его къ себѣ --- и нахожу въ немъ довольно большое сходство съ эпимѣ портретомъ . А чтобы вамъ это доказатьъ , вы его сами увидите .

Тутъ входитъ Каллосъ вмѣстѣ съ Офицеромъ . При видѣ его преступникъ блѣднѣетъ и падаетъ въ безпамятствѣ . --- Помогите ; помогите ! вскричалъ Каллосъ ! онъ умираетъ . --- Помогите ! вскричалъ Генералъ В*** и Поручикъ ; онъ не заслуживаетъ такой тихой смерти .

Его привели въ память и оставили на нѣсколько минутъ собраться съ силами .

А ! чудовище ! началъ Генералъ В*** , какъ у тебя достало духу предать такому ужасному мученію добраго спарика ? Нѣтъ

въ тебѣ челоѵчства ; ты дол-
женъ плакать въ груди своей сер-
дце крокодила, когда ни просьбы ,
ни слезы эпаго нещастнѣйшаго
и безвиннаго спрадальца не могли
пронуть тебя. --- Скажи, кто
изъ смертныхъ можетъ судить
тебя за такой звѣрской посту-
покъ? --- Гдѣ найти законъ ---
казнь, соразмѣрную своему пре-
ступленію? --- ---

О! пощадите его, умоляю васъ,
сказалъ Каллосъ: да будешь единъ
Богъ его судьей; никакое челоѵ-
ческое наказаніе не можетъ срав-
ниться съ мученіемъ его совѣ-
сти.

Я отъ души прощаю тебѣ,
Гарпенштейнъ! да простишь те-
бѣ также и Царь Небесный. Ему
единому извѣстно, вопіалъ ли я
къ нему о правосудіи, и призывалъ
ли громы небеснаго мщенія на
главу швою? Нѣтъ; я умолялъ
только, да подастъ мнѣ Богъ си-

лы къ пренесенію судьбы моей, утѣшеніе въ скорбяхъ, а шебѣ помилованіе. Но скажи мнѣ, Гаршенштейнъ! гдѣ мои дѣти? они теперь соспавляютъ всю радость дряхлыхъ дней моихъ --- дай мнѣ ихъ увидѣть.

Гаршенштейнъ молчалъ. Сей вопросъ требовалъ новаго признанія въ подобномъ злодѣяніи. Говори, злодѣй! закричалъ В***, -- говори! гдѣ они? --- Ты удушилъ ихъ? --- или отдалъ на разшербаніе псамъ твоимъ? или изорвалъ ихъ по кускамъ, бросилъ на свѣденіе хищнымъ вранамъ? Нѣтъ, -- я не могу придумать жестокости, кошорой бы ты не могъ сдѣлать. --- Говори! --- ---

Терзаемый отчаяніемъ Гаршенштейнъ напрягъ силы свои, и съ страшнымъ крикомъ зарѣвалъ: дѣлайте со мною, что хотите. Я теперь въ рукахъ враговъ моихъ! распотчите меня ногами;

предайте проклятію имя мое, ---
рвите по кускамъ мое шѣло; и
въ вашей власпи. ---

Злодѣй! вскричалъ ему молодой
Офицеръ: не думай, чшобы могли
найтись въ свѣтѣ подобные тебѣ
въ жестокости; ты люшбе дика-
го Карамба. Но говори! --- ---

Такъ слушайтежѣ, началъ онѣ,
--- и трепещите при всякомъ
моемъ словѣ; призывайте громы
на главу мою. Спрашитесь, ког-
да опкроются уста мои, и пади-
те ницѣ, когда услышите, что я
сдѣлалъ.

Сѣ ужасомъ они ожидали словѣ
отъ него, --- и пали на землю
когда онѣ кончилъ.

Двухъ меньшихъ сыновѣ шво-
ихѣ, продолжалъ Гарпенштейнѣ,
взялъ къ себѣ бѣдный мѣщанинѣ;
но какѣ онѣ умерѣ, шо и не знаю,
чшо сѣ ними сдѣлалось.

Отецѣ Небесный! прервалъ его
Каллошъ: благодареніе воздаю Те-

бѣ, если Ты ихъ взялъ къ себѣ!
здѣсь, кромѣ напасей, имъ ни-
чего не оставалось. --- А дочь
моя? --- --- ---

Дочь! --- продолжалъ Гаршенишпе-
инъ: --- когда теби уже неспа-
ло, я послалъ за нею; хотѣлъ
устроить судьбу ея: но ожесто-
ченное сердце ея было непреклон-
но. Я уговаривалъ ее опрѣчься
ошѣ заблужденій и принять Свя-
тую Вѣру Каполическую, дабы
я, безъ упрековъ совѣсти, могъ
имѣть ее, какъ домашняго друга,
--- и она конечно была бы ща-
сплива; но горделивая дѣвица съ
презрѣніемъ отвергла мое предло-
женіе и самую Вѣру; -- и я --- ---

И ты удавилъ ее, извергъ!
вскричалъ В***.

Нѣтъ, я заперъ ее въ город-
скую башню.

И она жива еще? прервалъ Кал-
лосъ.

Жива! если голодъ и жажда не уморили ее. Подише --- и увидите.

Вошли въ тюрьму, и --- ничего не нашли кромѣ костей и плащя, которое превратилось въ пыль, какъ скоро до него допронулись.

Кто можетъ описать горестъ преслѣдствъ отца, --- ужасъ и негодованіе Генерала? Ахъ! такіе удары для другихъ едва ли можетъ представить и самое живое воображеніе. Тяжкое состраданіе и гнѣвъ овладѣли молодымъ Офицеромъ, --- и онъ шутъ же бы изрубилъ въ куски это неслыханное чудовище, если бы не было Каллоса и Генерала В***, которые удержали его. Гнусный преступникъ законовъ недостойнъ того, чтобы мы осквернили свои руки въ крови его; --- ядъ жабы течетъ въ его жилахъ; а отъ чернаго сердца его отвратился бы

и самой коршунъ Иксіоновъ , ---
сказалъ Генералъ В * * * , и при-
казалъ подъ спражею опвесити
его въ шюрьму.

Тутъ адъ мученій кипѣлъ въ
груди его, перзашельные упреки
пробужденной совѣсти, ужасныя
мечты воображенія, предали его
въ жертву опчаянїю. Куда ни
обращалъ глаза, вездѣ видѣлъ вра-
говъ своихъ; ему казалось, что
вселенная возспала противъ него
и пылала мщенїемъ. Онъ возд-
вигъ противъ себя Небо и оже-
сточилъ все человѣчество; — и
нося въ груди своей ядъ ненави-
сти и мщенія, могъ ли ожидать
соспрананія и пощады? --- ---

Такъ Провидѣніе рано или поз-
до караетъ преступныхъ!! Еще
правосудіе законовъ не обвинило
его, но внутреннее чувство раз-
дирало сердце его на часпи — и
Судія Верховный изрекъ надъ нимъ
приговоръ. Гаршенштейнъ, шер-

заемый опчаянїемъ, посягнулъ на жизнь свою, --- и умеръ въ пюрѣмъ поспыдною и самую ужасною смертію: онъ умершвилъ себя тѣми оковами, кои обременяли его руки. --- И такъ нѣтъ сомнѣнїя, что приговоръ собственной совѣсти спроче и ужаснѣе всѣхъ приговоровъ чловѣческихъ, --- что въ самомъ преступленїи уже кроются зародыши ужаснаго наказанїя.

Крошкое сердце Каллоса, перзаемое потерею дѣтей своихъ, жалѣло о несчастномъ своемъ говишелѣ, и вопїяло къ Небу о его помилованїи. Боже! воскликнулъ онъ: какъ далеко проспираетъ чловѣкъ свою жестокость, когда духъ его омраченъ изуврїемъ, и сердце наполнено ненъ виспїю !! --- Онъ конечно не поступалъ бы такъ, если бы со дней юности научали его мыслить правильно. Тогда бы онъ не сдѣлалъ ничего

вопреки справедливости, --- а кро-
поспѣю, челоуѣколюбіемъ и благо-
дѣтельностью, онъ записавль бы
всѣхъ любить и уважать себя.

Я хочу сію ужасную исторію
передать памяти, и потому при-
кажу изсѣчь ее на мраморъ, ---
сказалъ Генералъ В*** да бу-
дешъ она для позднаго попомни-
ва урокомъ в терпимости --- и
ужаснымъ примѣромъ изуверства.
--- Боже Праведный! сколько ты-
сячь безвинныхъ содѣлались добы-
чею сему гнусному чудовищу! ---
Источникъ вѣчной премудрости!
да возсіяетъ скорбе свѣтъ твой
надъ землею; да познаютъ брен-
ные умы челоуѣческіе, что въ
любви братской, взаимной состо-
итъ истинное блаженство. ---
Теперь, друзья мои! передадимъ
забвенію сіи печальныя событія,
и сердца наши, столько страда-
вшія, снова оживотворятся къ чув-
ствамъ радости. Почтенный

Калосъ! вамъ остается жить не много; проведите у меня остатокъ дней вашихъ, --- и Провидѣніе благословишь васъ за спрдаванія въ живой могилѣ.

Въ печальной задумчивости сползъ молодой Офицеръ у окошка --- и слезы нѣжной горести въ тайнѣ вапились по щекамъ его: Генераль В***, замѣшивъ это, подошелъ къ нему, въ намѣреніи ободрить чувствительнаго юношу. Вы плачете, благородный человекъ! --- сказалъ ему В***: не стыдитесь слезъ своихъ; онѣ служатъ лучшимъ доказательствомъ добраго вашего сердца. Солдатъ не есть бездушная машина, сдѣланная изъ желѣза и камня; твердость его конечно должна равняться стали, покрывающей его грудь; но щастливъ, если подъ нею бьется сердце, умбющее чувствовать!

Между тѣмъ пришелъ старый солдатъ, покрытый сѣдинами, и желалъ лично представить себя Генералу. Съ живостію юноши бросился онъ въ объятія Офицера, который называлъ его опцемъ своимъ; нѣжно обнимали они другъ друга. Потомъ старикъ обратился къ Генералу и сказалъ: Ваше Превосходительство! я слышалъ о произшествіи, которое и до меня касается: правда ли это, что старый Пасторъ Валлосъ живъ еще?

Правда, добрый старикъ! правда --- сказалъ В***: ты видишь его предъ собою.

Чувство радости прервало на минушу дыханіе въ дряхломъ воинѣ: не въ силахъ будучи говорить, онъ стоялъ въ изумленіи. --- Благодареніе Тебѣ, Всевышній! --- сказалъ онъ наконецъ по нѣкоторомъ молчаніи. --- Выслушайте, что я скажу вамъ: за

двѣдцѣть лѣтъ предѣ симѣ про-
 ходилъ я съ полкомъ чрезъ эшотѣ
 городѣ; все было тогда здѣсь въ
 ужасномѣ смятеніи; опущенія
 и убійства свирѣпствовали вез-
 дѣ, -- даже младенцовѣ не щади-
 ли. Въ это время попался и мнѣ
 мальчикѣ; я уже обнажилъ было
 саблю, --- но онѣ шакѣ жалко
 просилъ меня и плакалъ, что это
 меня разстрогало; я надѣ нимѣ
 сжалился, и, посмотрѣвъ на ре-
 бенка пристально, полюбилъ его
 и взялъ къ себѣ. Я не спраши-
 валъ у него, чей онѣ былъ ---
 потому, что онѣ сдѣлался моимѣ;
 но часто я слышалъ отѣ него:
батюшка мой Либгольдѣ. Вскорѣ
 потомѣ поступилъ въ нашу ро-
 ту молодой человекѣ изѣ мѣщанѣ
 вашего города. Однажды я раз-
 казывалъ ему, какимѣ образомѣ
 мнѣ попался эшотѣ мальчикѣ, ко-
 шораго я называлъ сыномѣ, -- и
 узналъ отѣ него, что у васѣ въ

это время пропалъ сынъ , который много былъ похожъ на моего пріемыша. Теперь услышавъ о вашей исторіи и о томъ , что вы живы , посѣщилъ сюда , чтобы увидѣть отца любезнаго моего Вильгельма. Сообразите хорошенько всѣ сіи обстоятельствова и внемлите внушенію сердца ; мнѣ кажется , что мы не ошибаемся.

Подлинно такъ ! сказалъ Каллосъ : меня вообще всѣ знали подвѣннемъ Либгольда , --- а обстоятельствова такъ сходны. Но скажи , добрый старикъ ! не замѣтилъ ли ты рубца , который былъ у него на шеи отъ оспы ?

Замѣтилъ , замѣтилъ , --- оповѣчалъ онъ.

Благодарю Тебя , Всевышній промыслъ ! --- продолжалъ Каллосъ --- какъ я еще щастливъ ! я нахожу старшаго моего сына. Поди ко мнѣ въ объятія , сынъ мой ! --- дай мнѣ прижать себя

кѣ груди моей; дай мнѣ вкусить радость сердца родительскаго прежде, нежели мершвѣющіе останки мои снова возвращающа въ сырую землю.

О родитель мой! --- такъ, эповы! сердце меня не обманывало.

Какое восхищеніе! какая радость! --- изобразишь ихъ дѣло выше силъ моихъ. --- Эпо могутъ чувствовать только добрый онецъ и сердце нѣжнаго сына, который, по долголѣпной разлукѣ, спѣшитъ въ обѣщаніе къ родителю.

Пойдемъ, друзья мои! --- сказалъ Генералъ В***, --- выпьемъ по погалу спараго вина для такой радости, которая рѣдко бываетъ въ жизни человѣческой; --- пойдете, и въ полной мѣрѣ предадимся удовольствіямъ любви братской.

ИЗИСЪ И ТИРА

Не столько пролилось крови на жеривенникахъ Сашурновыхъ, не столько унижено было челоуѣчество во храмѣ Тейшатовомъ, сколько унижилъ его Магомешъ.

Сей обманщикъ проявился въ Азіи — и выдавалъ себя за Пророка Божія въ томъ намѣреніи, чшобы помощію такой хитрости, покорить Аравію, или изпреблтъ ея жителей.

Дарованія сего лжеца коварнаго увѣнчали его замыслы; онъ извлекъ мечъ — и Азія поверглась къ ногамъ его.

Магомешъ увѣрялъ всѣхъ, что онъ въ рукавѣ носитъ Луну; но какъ здравый разумъ нѣкоторыхъ опвергалъ явную ложь сію, то онъ началъ доказывать это сво-

имъ мечемъ: Аравы шрепетали и
 — --- вбрили.

Калифы и Вельможи Султанскіе были ужасомъ людей. Духъ истребленія Магомешова воспламенялъ сердца ихъ, а изувбріе и варварство были спрашными бичами для народа. Вооруженные симъ сугубымъ кинжаломъ, они приводили въ шрепетъ не только Аравлянъ, но и Государей Европейскихъ.

По досповбрнйшимъ извѣстіямъ о Музульманахъ Албуфедаса и по изчисленію Абульфрага, ушверженіе бредней Магомешовыхъ и ученія Алкорана, стоило шрехъ миліоновъ человекъ, кои принесены въ жершву жестоко-сти сего лжепророка. Звбрство сихъ музульмановъ не имбло предбловъ вразсужденіи шбхъ, кои прощивались лжемудрїю сего шонкаго оболщителя. Въ сіи ужасныя времена родились Изисъ и

Тира : первый былъ прекраснѣ всѣхъ юношей, а послѣдняя милѣ всѣхъ дѣвицъ. Сїи наперсники природы возраспали, подобно двумъ цвѣточкамъ --- и въ невинности сердца наслаждались бытіемъ своимъ. --- Мулибешъ и Орифона --- ихъ родители --- были добры, какъ Природа, и благодѣтельны, какъ солнце. Мирно провождали они дни свои въ уединенной странѣ Аравїи ; поклонялись Божеству, познанію коего научило ихъ сердце; дѣлали добро по возможности и --- были истинно щасливы. Изисъ и Тира составляли радость супружеской любви ихъ; жизнь ихъ протекала среди удовольствій безъ уворизненныхъ. ---

До тридцати лѣтъ своей жизни наслаждался Молибешъ щастіемъ дней своихъ ; какъ вдругъ ученіе и жестокость Магомешовы прервали его спокойствіе. Онъ

долженъ былъ вѣрвать въ ученіе Пророка, которое презирало его сердце. Какъ! мнѣ поклоняться этому обольстителю, Орипона! --- сказалъ онъ: нѣтъ; оставимъ сію страну; здѣсь человѣческой мечъ возвѣщаетъ законы Божескіе. --- Мулибетъ и Орипона, взявъ съ собою Изиса и Тиру, бѣжали изъ мѣста своего жилища; но ихъ нагнали --- и подвергли страшному негодованію. Бѣдную Тиру разлучили съ братомъ, а Изиса отдали Факиру для наученія его вѣрѣ Магометовой.

Тамъ жилъ Изисъ до двадцатилѣтняго возраста; часто думалъ онъ о бѣдныхъ своихъ родителяхъ и о Тирѣ. Ненавидя въ душѣ своей послѣдователей ученія Магометова, онъ въ часы безмолвной ночи плакалъ надъ прахомъ родителей и милой Тиры. Сердце его поклялось мстить за жестокость Магометову. --- Му-

лика Факиръ, у котораго Изисъ воспитывался, почитаемъ былъ народомъ за праведника. Онъ былъ жизни самой строгой; питался кореньями и шравами; изнурялъ шло свое и всегда сиживалъ на знобъ солнечномъ. Всѣ говорили, что Ангелъ Магомешовъ подкрѣплялъ его, и что Мулиябъ дано было знать будущее. Народъ толпами бѣжалъ къ нему; цѣловалъ слѣды его и шѣ пороги, коимъ касались его ноги. Множество подарковъ предлагали ему; но служитель Пророка не принималъ ихъ. Ангелы, во время ночи, на Небеса возносили предлагаемую пищу, --- и Факиръ говорилъ, что Богъ принималъ оную въ жертву.

Лицемѣру легко обманывать народъ просподушный и слабые умы покорять своей волю. Изувѣрїе, сія правая его пружина, оковываетъ разумъ и сердце во-

оружаеѣ прошивѣ истины. Но еѣ люди, коихѣ дальновидносѣ пронцаеѣ во мглу заблужденія, а сердце озарено такимѣ свѣтомѣ истины, коюрой ничто омрачипѣ не вѣ силахѣ; еѣ умы, кои видяѣ еѣ во всемѣ блескѣ. --- Сѣ чувство истины развилосѣ уже вѣ юномѣ Изисѣ, --- и никакой страхѣ, никакой обольщенія лжеумудраго, не могли оной поколебать вѣ немѣ. Ненавидя всякой обманѣ, онѣ свѣ презрѣнїемѣ смотрѣлѣ на Дервишей, кои, подобно кубарямѣ, вертелисѣ на одной ногѣ, и на сѣпующихѣ Календеровѣ вѣ покойныхѣ власеницахѣ. Грозный звукѣ оружїа обольщенныхѣ Музульманѣ не ушрашалѣ его; обѣшы Пророка не приводили его вѣ ослѣплѣнїе. Онѣ смѣялѣ надѣ ними вѣ душѣ своей --- и жалѣлѣ о несчастныхѣ мечтателяхѣ. Я хочу обличить сихѣ обманщиковѣ, сказалѣ онѣ:

хочу отмстить имъ за Мулибеша, Оришону и Тиру, милую сестру мою; --- жестокиѣ! они похищили у меня драгоценнѣйшій даръ Неба.

Изисъ не замѣдливъ сдѣлать важное открытiе. Онъ всегда старался проникнуть во мглу, скрывавшую таинства Магометовы, --- и дальновидность его вскорѣ того достигла. Болѣе всего удивляли его жертвы, приносимыя Божеству легковѣрнымъ народомъ. Какъ! думалъ Изисъ: тошъ, кто сотворилъ все, и кого десница даетъ пищу человѣку и всему дышущему --- имѣетъ ли нужду въ приношенiяхъ человѣческихъ и кровавыхъ жертвахъ? --- Тотъ, коему милiоны звѣздъ повинуются, и кто солнцу далъ сiянiе, можетъ ли утѣшаться золотомъ и блестящими камнями, подобно слабому смертному, который оныя возлагаетъ

на его жертвенникахъ? --- Не возможно! --- Существо вѣчное! я не дерзаю о Тебѣ шакъ мыслишь. --- Но наши Факиры и Дервиши ведутъ жизнь самую строгую; никогда не ѣдятъ и не пьютъ, а шакъ же здоровы и полсты, какъ богатѣйшіе Эмиры. Непонятно; либо они праведные --- и Магометъ пишаетъ ихъ своимъ духомъ, либо --- --- обманщики и лицемѣры. Они говорятъ, что Ангелы Пророка Божія низходящѣ ночью, берутъ кушанье и относятъ Богу; мнѣ должно это самому видѣть и узнать обо всемъ.

По наступленіи ночи, какъ скоро Изисъ могъ обмануть бдительность стражей своихъ, онъ приступилъ къ дѣлу и спрясался за шкапомъ въ углу огромной Мечети, въ коей приносили жертвы.

Не долго сидѣлъ тамъ Изисъ, какъ ошворился полъ на седи-

въ Мечети, ивышло изъ отверз-
 шія двѣнадцать Факировъ, Му-
 лика надъ ними первенспивовалъ.
 Привесенные съ собою Сосуды и
 погалы, они разставили на сто-
 лѣ. Освѣтивъ великолѣпно Ме-
 четь, служители Пророка распо-
 ложились на мягкихъ софахъ и пре-
 сыщались жертвами, которыя
 приносило суевѣріе народа.

Изису надлежало употребить
 всѣ усилія, чтобы преодолѣть свое
 негодованіе и не обнаружилъ его
 преждевременно. Сердце его со
 вздохомъ вопіяло на Небо: О! Ты,
 Существо превѣчное, --- Ты, ко-
 торое содержишь въ десницѣ сво-
 ей Сѣверъ, Югъ и всѣ Мїры без-
 численные, --- проспри око свое
 на сихъ нечестивцевъ, оскорбля-
 ющихъ имя Твое, и гнусные по-
 роки, скрывающїеся за священны-
 ми Твоими жертвенниками! брось
 разрушительныя молніи на сихъ
 злодѣевъ; порази преступныхъ ---

и во всемъ блескѣ явись ослѣплен-
нымъ человекамъ!

Изисъ воспламенился еще болѣе,
когда Факиры начали осушать изъ
золотыхъ пакаловъ, хотя Про-
рокъ строго запретилъ употре-
бленіе вина съ имъ послѣдовате-
лямъ. Онъ видѣлъ, какъ лежали
безъ чувствъ жестокіе гонители
тѣхъ, кои пресступали сѣю запо-
вѣдь Магомета.

Вино пробудило ихъ остроуміе
и располагало къ разговорамъ.
Они язвительно шутили надъ
суевѣрїемъ Музульмановъ, назы-
вали ихъ проспаками; ибо они
самую нелѣпую ложь принимали
за истину, и отъ всего сердца
вѣрили бреднямъ Пророка и об-
манамъ его служителей.

Столъ кончился; лицемѣры, за-
бравъ съ собою всѣ, ушли чрезъ
поже отверстіе, чрезъ которое

вошли; Изисъ оспался въ Мечети
одинъ въ глубокихъ размышленї-
яхъ.

Долго отъ изумленїя онъ едва
вѣрилъ глазамъ своимъ и боялся
вылести изъ за шкапа. Не сонъ
ли это? говорилъ онъ въ себѣ: не
мечта ли воображенїя? Нѣтъ! я
все это видѣлъ на яву и точно
этими глазами, которыми шеперь
смотрю. --- А! шаковы-то вы
служили Аллы и хранили
его тайнствъ! --- О гнусные ли-
цѣмеры! --- Но что дѣлать
мнѣ? молчать ли, или, когда раз-
свѣтнеть, пойти на площадь и
объявить народу обо всемъ, что
я видѣлъ, --- да познаютъ обма-
нутые свое заблужденїе? --- Такъ,
шакъ! я это сдѣлаю. --- Удер-
жись, пылкой юноша! шепѣ не
повѣряй. Лицемеры овладѣли
разумомъ и сердцемъ народа; со-
дѣлались пиранами его воли и
повелителями самыхъ тайныхъ

помышленій. И попому тебя сочюшѣ клеветникомѣ, и въ ожесточеніи убьюшѣ тебя каменьями, или разорвюшѣ на части! --- Нѣшѣ, лучше буду молчать и дождашѣся благопріятнаго случая. Между шѣмѣ сдѣлаюшѣ какѣ можно скрытиѣ предѣ Муликою и постараюшѣ снискашѣ его довѣренность.

Изисѣ съ твердостію на сѣрѣшившишѣ, оставилѣ Мечешѣ и возвратилѣ въ свое жилище. Съ сихѣ порѣ юноша сталѣ еще внимательнѣе и покорнѣе къ Муликѣ; вскорѣ вкралѣ въ его сердцаѣ и пріобрелѣ совершенную любовь у своего наставника. --- Онѣ притворно удивлялѣся, какѣ строго исполняютѣ Факиры повелѣнія Магометовы --- и узналѣ, что Алла не украшаетѣ трона своего золотомѣ и другими драгоценностями, которыя народѣ опдаешѣ въ Мечешѣ, --- и что служилели

Пророка дѣлять сіи сокровища между собою. Много стоило Изи-су, ч то бы не открылъ себя преждевременно; онъ ожидалъ щасливаго случая, который благопріятствовалъ бы его намѣренію. Время не только не могло ослабить ненависть его къ Магомету, но еще увеличивало оную ошъ часу болѣе.

Однажды Факиръ призвавъ къ себѣ Изиса, сказалъ ему: юноша --- сынъ ушра румянаго! Алла бдитъ надъ тобою, и Ангелъ его хранитъ дни твои. Ты прекрасенъ, какъ весна радостная, --- любезенъ, какъ цвѣшокъ пахучій; глаза твои подобны двумъ солнцамъ, а чело знаменуетъ достоинство и величіе --- и служишь прономъ швоей души великой; шшествуешь, какъ богъ юный; шшбѣ во слѣдѣ шекуть удивленіе и почщеніе. Благодари Аллу, что онъ далъ познать тебѣ свѣтъ и

истину; Пророкъ благоволишъ къ тебѣ и конечно предназначилъ тебя къ дѣламъ великимъ. Приблизься ко мнѣ, любимецъ Неба! и услышь волю Аллы изъ устъ смиреннѣйшаго служителя великаго Пророка.

Три ночи сряду являлся мнѣ Магомедъ и вѣщалъ: Изисъ мой наперсникъ; онъ принадлежитъ къ числу моихъ служителей; ему должно прославишь имя мое на землѣ, и обратишь ко мнѣ идолы невѣрныхъ; ему предлежитъ упоить Тигровъ Гирганскихъ и Львовъ Гепулійскихъ кровью враговъ моихъ, да царствуетъ имя мое во вселенной и да поклоняются ему Луна и Солнце! --- Тако вѣщалъ мнѣ Пророкъ Божій; горжусь, что былъ швоимъ другомъ, наставникомъ --- и шперь участвую въ швоемъ призваніи. Не страшись, юноша! и съ веселіемъ духа вступи въ поприще, по ис-

печенія коего ожидаютъ тебя
 честь и любовь Неба. Можешь
 бышь ты воображаешь его труд-
 нымъ и шернистымъ; но -- Изисъ!
 если обладаешь истинною мудро-
 стію, то найдешь его легкимъ и
 цѣлѣнами усѣяннымъ. Послушай!
 тебѣ должно узнать тайну, ко-
 торая на всегда пребудетъ со-
 крыта отъ простаго народа: не
 всѣ Факиры, Дервиши и Календ-
 ры ведутъ дѣйствительно жизнь
 спрोगую и мученическую, какъ
 нѣкоторые благочестивые мечша-
 пели. Привычка скоро дѣлаетъ
 легкимъ тѣ труды, которыхъ
 пребудетъ отъ насъ спрогоспъ
 наружная. Что такое значитъ
 нѣсколько рубцовъ на спинѣ отъ
 легкихъ ударовъ? Что за тягость
 носишь нѣсколько фунтовъ на
 шеѣ, и небольшое количество
 крови, проливаемой для сего благо-
 честиваго обряда? Не трудно
 также сдѣлать навѣкъ къ зною

и холоду. Подумай о трудолюбивомъ земледѣльцѣ, и о поденщикѣ, который убиваетъ себя надъ работою изъ пуспой платы, — подумай, сколько кроваваго поту стоить имъ ничтожная выручка, изъ которой и половины имъ не достается: большую часть оной отнимаютъ у нихъ Султанъ и его сборщики. Напротивъ того мы — имѣемъ пищу и одежду, наслаждаемся всѣми удовольствіями безъ всякаго опасенія и — никогда не шудимся. Вельможи насъ почитаютъ, народъ цѣлуетъ слѣды ногъ нашихъ и съ благоговѣніемъ собираетъ прахъ, нами попираемый. Звай, неопытный! чпо столы наши великолѣпнѣе Султанскихъ, наслажденія живѣе, чѣмъ у Эмировъ: мы имѣемъ за споломъ тѣ самыя яствы, которыхъ глупой народъ приноситъ Аллу въ жертву, — и пьемъ лучшее вино, ко-

шорого суетѣрь Музульманинѣ и
отвѣдать спрашишя. Не дума-
ешь ли ты, что мы такѣ глупы,
чтобы презирали удовольствія
жизни и мучили себя для Проро-
ка? — О нѣтъ: мы наслаждаем-
ся всѣмѣ въ жизни и смѣемся
надѣ людьми легкомысленными.
Правда, — благоразуміе предпи-
сываетѣ намѣ, по наружности!
опрѣкашяся опѣ женскаго пола,
дабы не навлечь на себя ненави-
спи Двора; но за то мы имѣемѣ
такихѣ красавицѣ, какихѣ конеч-
но не найдешь и между Гуріями
въ раю Магометовомѣ. Подумай,
умный Изисѣ! какую мы ведемѣ
жизнь прекрасную! мы не знаемѣ
никакого принужденія, и ни одна
капля поту, проливаемаго земле-
дѣльцомѣ, не упадаетѣ съ лица
нашего; мы ни о чемѣ не забо-
шимся, ни о чемѣ не думаемѣ ---
и живемѣ щасливѣе всякаго Ва-
лифа и Шаха. Попеченія не ом-

рачаютъ души нашей; печаль не снѣдаетъ нашего сердца, а страхъ никогда не оправляетъ нашихъ радостей.

Видишь ли, прекрасный юноша! къ чему Магометъ тебя готовитъ? Разумешь ли теперь, что ты его наперсникъ? — Я бы сказалъ тебѣ и болѣе; но не пришло время: твой духъ не свободенъ еще отъ предразсудковъ --- и пошому тебя надобно получить ясныя обо всемъ понятія.

Въ печеніи сего разговора негодованіе часто румянило щеки юноши; но Мулика почтительнѣе это знакомъ сердечной радости: многократно Изисъ покушался прервать рѣчь его и --- останавливался. Наконецъ отвѣчалъ онъ: Хранитель тайнъ Пророка Великаго! дозвожь смиреннѣйшему его служителю сказать свое мнѣніе. Священна для меня воля Магометова; покоряюсь его зову: но ска-

жи, почтенный наставникъ мой ! не уже ли Пророкъ не далъ повелѣній своимъ служителямъ — повелѣній, по коимъ бы имъ надлежало учредить жизнь свою?

Повелѣній ! отвѣчалъ Мулина : мы имѣемъ ихъ въ разсужденіи службы, а не жизни нашей. Юноша ! послѣдуй моимъ наставленіямъ и влеченію собственнаго сердца : живи, какъ можно лучше ; дѣлай что тебѣ хочется -- и не спрашись никакой отвѣтственности ; отвѣтъ тебѣ никогда не потребуютъ отъ тебя : но только будь ревностенъ въ служенію Пророка. Ненавидь и преслѣдуй всякаго , кто не въ него вѣруетъ ; будь жестокъ ко всѣмъ , кто не одного съ тобою званія ; дѣлай иногда добро, — но такъ , чтобы то всякой видѣлъ ; тогда не станутъ замѣчать за твоими поступками. Будь не примиримымъ врагомъ враговъ нашихъ , и не преставай гнать ихъ

до совершеннаго низложенія. А гдѣ не достанетъ силы, прибѣгни къ хитрости --- и скрывай поспупки свои подъ священнымъ покровомъ вѣры Магомедовой. Старайся снискать любовь и довѣріе Вельможъ, помогай имъ низвергать слабыхъ; умѣй узнавать ихъ шайны и --- будешь для всѣхъ врагомъ ужаснымъ. Не своди дружбы съ невѣждами, не предавай сердца твоего любовной страсти; дружба существуетъ только между нами, а любовь — глупость; утѣшенія жизни найдешь только въ нашемъ сообществѣ.

Не думай, любезный Изисъ! чтобы такъ говорилъ только Факиръ и Дервишъ; — нѣтъ! — такъ мыслятъ Бонза, Талапоинъ и Браминъ; такъ мыслятъ въ Японіи и Кишаъ, — и не со вчерашняго дня, но со времени многихъ спольстѣй шаковы мнѣнія

служителей Аллы. Еслижъ кто осмѣлился противорѣчить тебѣ, то посрами и низвергни дерзкаго; — и проклятіе Пророка постигнетъ дни его. Теперь поди и размысли обо всемъ, что отъ меня слышалъ. Завтра ожидаю твоей рѣшимости. — —

Таковъ былъ языкъ служителя Лжепророка: но какъ не сходны истины чистой Вѣры съ симъ лжеудрїемъ Язычника! Какъ сладостны, утѣшительны слова служителя Олгари Иисусова; они дышатъ любовію къ ближнему и возвѣщаютъ благословеніе Небесное; они проливаютъ въ душу нашу Вѣру Святую, чистѣйшую, и проповѣдаютъ Евангеліе, которое одно въ возможности содѣлать человека истинно щастливымъ. Въ немъ нѣтъ ни обмана, ни хитрости; одна истина сіяетъ подобно солнцу полуденному —

между тѣмъ, какъ чада невѣрїя пресмыкаются во мракѣ.

Наконецъ — вскричалъ Изисъ, когда Мулика его ославилъ; наконецъ я вижу его безъ личины; онъ столько же гнусенъ, какъ и порокъ, когда совлечешь съ него блестящую одежду. Бездѣльники! вы всѣ таковы, — сказалъ онъ, — исключая невѣждъ весьма не многихъ. О родъ нечестивый и развратный!

Печально протекали дни для Изиса, когда онъ изыскивалъ способы къ обличенію не достойнаго предъ глазами народа. Долго онъ не обрѣталъ ихъ; ибо онъ зналъ, что гласъ лжи сильнаго всегда заглушитъ гласъ истины въ устахъ слабѣйшаго. Онъ не имѣлъ друга, который могъ бы подкрѣпить его въ такомъ важномъ дѣлѣ — и тщетно искалъ между окружающими его сердца, къ дружбѣ способнаго. Съ другой сторо-

ны притворство Мулики такъ было для него несносно, что онъ пламенѣлъ желаніемъ — или умереть, или уличить обманщика предъ народомъ въ лицемеріи.

Между тѣмъ представился случай, который совсѣмъ новой оборотъ далъ дѣлу, и ускорилъ исполненіе его великаго предпріятія.

Изиса приняли въ число Факировъ — и Мулика всевозможное прилагалъ стараніе о доставленіи ему всего, чтобы могло болѣе привязать молодаго человѣка къ новому званію; желая же сдѣлать его совершеннымъ Факиромъ, онъ взялъ его ночью въ Мечеть и удѣлилъ ему часть изъ приношеній народныхъ.

Три раза былъ онъ на пиршествѣ Пророка; въ четвертую ночь возвращаясь съ прочими чрезъ пошанное отверстіе, онъ нѣсколько замедлилъ и вдругъ услышалъ

спонѣ чловѣческой. Изисѣ пораженѣ былѣ изумленіемѣ, спалѣ прислушивашься; но скоро раздался звукѣ задвижки, которою заперали дверь; онѣ закричалѣ, чѣобы его выпустили, — не находя для себя надобнымѣ оспавашься вѣ заключеніи.

Вѣ продолженіи ночи тысяча безпокойныхѣ мыслей волновали его душу; любопытство и соспраданіе возбуждали его кѣ изысканію возможности — пройшитуда такѣ, чѣобы его не примѣтили, и видѣшь спонавшаго спрадальца. Но его старанія были тщетны; при появленіи угра, Изисѣ сѣ горестію оставилѣ ложе свое и пошелѣ вѣ Мечеть. Но услышавѣ тихой шумѣ, онѣ потчасѣ спрятался, желая увидѣшь, чѣо это значитѣ. Чловѣкѣ, сѣ ногѣ до головы закупанной и сѣ спрашною на лицѣ маскою, вылезѣ изѣ узкаго опверз-

спія, и завалилъ оное большимъ камнемъ. Изисъ, будишо не примѣчая его, оставилъ итти своею дорогою. Чрезъ нѣсколько минушъ онъ скрылся; — молодой человекъ радовался, что онъ остался одинъ. Чинобы дѣлалъ здѣсь эштоу человекъ? думалъ Изисъ: онъ не изъ числа Факировъ; иначе могъ бы итти не эшою дорогою; можетъ быть эшо воръ, копорый, узнавъ о яствахъ жершвенныхъ, хотѣлъ похищить ихъ у служителей Пророка? или не зналъ ли онъ и объ ихъ богатствѣ? — и эшо спастись можетъ. Изисъ болѣе о семъ не беспокоился, — и думалъ только, какъ бы самому воспользовашься симъ открытїемъ.

Онъ свѣшилъ исполнить предпрїятое имъ намѣренїе: опваливъ съ большимъ усилюемъ камень, онъ прошелъ сквозь опверстїе. Послѣ многихъ поворотовъ из-

кривленнаго пути, онъ пришелъ наконецъ къ двери, чрезъ которую Факиры обыкновенно ночью выходили. Теперь слѣдовалъ онъ по извѣстной дороги, и опять пришелъ на то мѣсто, гдѣ въ первой разъ слышалъ стоны. Здѣсь остановился и началъ прислушиваться, но ничего не слышалъ; билъ въ ладоши, но не было никакого отвѣта. Наконецъ онъ намѣревался уже идти назадъ, какъ вдругъ ноги его зацѣпились за большое желѣзное кольцо, которое произвело звукъ довольно сильной. За нимъ слѣдовалъ явственный крикъ. Чувство радости привело въ трепетъ Изиса; ибо онъ видѣлъ себя такъ близко къ цѣли своихъ желаній. Кто ты таковъ, вскричалъ разтроганный юноша, — и что тамъ дѣлаешь? — Несчастнѣйшая изъ смертныхъ, отвѣчалъ голосъ; спаси меня, если ты не Мулика и

не Факиръ; если же я обманываюсь, — если ты один из них; то приди и умертви меня. Что это значит? — вскричал Изиб: злодѣй! — и потчасъ же положилъ руку на желѣзное кольцо въ намбрѣнїи приподнять камень, скрывавшій несчастное созданіе. — Онъ привелъ въ напряженіе всѣ силы свои, и едва могъ стащить его съ мѣста. Здѣсь, при слабомъ свѣтѣ лампы, увидѣлъ Изибъ дѣвицу, на землѣ лежащую; смертная блѣдность покрывала прекрасное лице ея, а руки опячнены были цѣпями. — Кто ты, любезная дѣвица! — спросилъ Изиб; и какой злодѣй ввергнулъ тебя въ сію пропасть? — Не Факиръ ли ты? возразила дѣвица: и не за тѣмъ ли пришелъ сюда, чпобы прервать дни мои? — За что прервать ихъ? — сказалъ Изиб: не уже ли Факиръ былъ причиною золь твоихъ? —

Другъ челоѵчестіа ! отвѣчала она : если не Муликово сердце бьется въ груди швоей, если ты не злодѣй : шо выслушай и сжался надъ несчастною ; еслижъ ты имѣешь доброе, благородное сердце : шо спаси меня , если шолько можешь , и проклинай гнуснѣйшихъ изъ челоѵковъ.

Изверги изпоргли меня изъ обѣщаній любезнаго родителя и нѣжной матери — матери , которая все щастіе полагала въ дѣтяхъ своихъ ; я лишилась ихъ на всегда : жестокіе ихъ умершвили. Думаю , и братъ мой не избѣгнулъ сей же участи : онъ вѣрно палъ подъ мечемъ Магомешовымъ ; ибо я не видала его съ шой ужасной мнущей , когда Турки разлучили насъ. О братъ , милой братъ ! если бы ты былъ живъ еще , ты вѣрно меня избавилъ бы ; ты охотно встрѣдилъ бы тыся-

чу смертей, чтобы спасти свою Тиру. —

Тиру! воскричалъ изумленный Изисъ: о Тира! не уже ли Изисъ такъ еще щаспливъ? —

О Боже! — это ты Изисъ? это ты братъ и другъ моего сердца! — Но если и не ты; если не Мулибетъ былъ твоимъ родителемъ, и не Орифона твоею матерью: если только ты носишь имя Изиса, то все уже ты другъ мой, — все я смѣло могу на тебя надѣяться. Добрый юноша! поклонись сими священными для меня именами, что ты опмстишь извергамъ и спасешь меня! —

Клянусь, Тира! — клянусь, милая сестра моя! сими священными именами — опмстить и спасти тебя. Пусть каждая капля крови моей обратится въ горящую сѣру и пожигаетъ меня; пусть каждая часпица воздуха, копорымъ дышу, будетъ

для меня смертельнымъ ядомъ ,
 пусть мучитъ меня шажками и
 продолжительными спраданіями
 — пускай поспигнетъ меня гавъв
 небесный, если не опмщу за те-
 бя, Тира! кровію Мулики. — Но
 скажи, любезная сестра! какъ ты
 здѣсь очупилась?

Вотъ какимъ образомъ, Изисъ!
 сказала она: когда насъ разлучи-
 ли, то меня взялъ къ себѣ одинъ
 пожилой Турокъ, у котораго тер-
 пѣла я великую нужду: — го-
 лодъ и недостатковъ одѣвїя со-
 спавляли удѣлъ мой. Онъ былъ
 бѣденъ, а меня взялъ единствен-
 но для того, чтобы со временемъ
 продать меня и взять большую
 цѣну; впрочемъ обходился со мною
 очень ласково и съ сердечнымъ
 удовольствіемъ видѣлъ, что я
 подросла. Мнѣ исполнилось
 только двѣнадцать лѣтъ; но, по
 его словамъ, я подобна была ро-
 зѣ, которая начинаетъ разпу-

окупься. Мулика, узнавъ обо мнѣ, велѣлъ меня тайно привести къ себѣ. Не зная, съ какимъ это было намбреніемъ, я плакала разспаваясь съ мѣстомъ моего жилища, какую бѣдность въ немъ ни шерпѣла. Меня привели въ огромные черпоги, и заключили въ нихъ на всегда. Комната, въ копорой я жила и садивъ передъ окошками, соспавляли для меня всю вселенную; а двѣ женщины, копорыя были ко мнѣ приспавлены, заключали весь родъ человѣческой. Скоро привыкла я и къ сей жизни, и благодарила, что мнѣ было хорошо. Здѣсь прилагали обо мнѣ всевозможное попеченіе — такъ, что я ни въ чемъ не нуждалась. По неопытности дѣтскихъ лѣтъ моихъ, я не знала иныхъ нуждъ, кромѣ легкихъ потребностей дѣтскихъ лѣтъ моихъ, — и почишала себя щасливѣйшею изъ смертныхъ, думая,

что ничего не доспаетъ къ совершенному моему благополучію.

Спустя нѣсколько мѣсяцовъ по перемѣнѣ мѣста моего пребыванія, навѣстилъ меня Мулика. Видѣ его внушалъ почтеніе, а обходительность — любовь. Онъ обласкалъ меня и назвалъ своею дочерью. Съ сего времени онъ приходилъ ко мнѣ всякой день съ тѣмъ, чтобы приподавать мнѣ наставленія въ законѣ Магометовомъ.

Прошekli два года — и я совершенно была довольна своею участью. Я знала, что всѣмъ щастіемъ жизни своей обязана Факиру — и мое сердце расположено было къ нему дѣтскою любовію. Часто — по неопытности лѣтъ моихъ — я называла его опцемъ своимъ — Мулибешомъ. — Однажды вечеромъ пришелъ ко мнѣ Мулика и говорилъ такимъ образомъ: прекра-

енная Тира! ты любезна душѣ мое-
ей; пщерь Неба! ты зашмѣваешь
собою всѣхъ дѣвъ земныхъ. Ты
являешься на землѣ, подобно звѣз-
дѣ упренней; не яснѣе сіяетъ
свѣтъ ея, какъ блистаютъ твои
взоры; ты улыбаешься, подобно
мѣсяцу кроткому. Лучшая кра-
савица скрылась бы отъ тво-
ихъ прелестей, — прелестей,
воихъ не имѣютъ и небесныя
Гуріи. Тебѣ поклонялся Цари
земные; ты легко плѣнишь собою
и луну ясную — сіе свѣтило
природы дремлющей: но сила твоя
еще могущественнѣе. Ангелы
упадутъ къ ногамъ твоимъ, и
самый Пророкъ оставитъ предѣ-
лы рая, дабы насладиться въ тво-
ихъ объятіяхъ. Се ты видишь
предъ собою его посланника, ко-
торый возвѣщаетъ тебѣ о его
нынѣ прибытіи.

Спупай за мною, дочь моя! ---
Съ симъ словомъ онъ взялъ меня

за руку, и привелъ въ мечеть, гдѣ оставилъ одну.

Юноши прекрасные, съ золотыми иудрями на плечахъ, вскорѣ послѣ него предстали и прилагали обо мнѣ всякое попеченіе. Не много спуспя пришелъ ко мнѣ и самъ мнимый Пророкъ. Тупѣ увидѣла я всю гнусность оболъщенія.

Меня отвели назадъ, — и нѣскольکو дней продолжали поступать со мною такимъ же образомъ. Обманъ шаялся еще подѣ завѣсою тонкой скрытности, — я все еще почитала себя щастливою; но скоро мечпа моя исчезла — и на всегда. Я узнала, что въ лицѣ Пророка былъ Мулика. Сіе открытіе и ужасная для меня извѣстность, — что я должна сдѣлаться — матерью, — довершили мое злополучіе.... Вчера ночью меня тихонько вызвали, и со всею возможною осто-

рожностію привели сюда — съ шѣмъ, чтобы предашь меня смерти ужаснѣйшей.

Мщеніе! — вѣчное мщеніе Небесъ да постигнетъ безчеловѣчныхъ! — вскричалъ Изисъ: но ты, Тира! на меня надѣйся; я спасу тебя — или потоки кровавые изліются предъ твоимъ шрупомъ. — Теперь мнѣ должно уйти, пока солнце не освѣтило ей земли преступной. Сіе послужитъ безопаснѣйшимъ средствомъ къ исполненію нашихъ предпріятій: въ слѣдующую ночь я приду къ тебѣ, и тогда — — мы уйдемъ.

Изисъ удалился скорыми шагами. Ярость, мщеніе и мысль о страданіяхъ сестры его, терзали его, сердце. Онъ прошелъ украиною, дабы не встрѣтиться съ Муликою; ибо боялся измѣнить самому себѣ при первой съ нимъ встрѣчѣ. Въ семъ случаѣ онъ

удавилъ бы злодѣя, еслибы не было при немъ ни меча, ни кинжала.

Солнце склонялось къ вечеру. Изисъ съ неперпѣнїемъ ожидалъ минушы, въ которую онъ долженъ видѣть и спасти свою Тирю. Наступило желаемое время — и сердце юноши начало препешать сильнѣе; кровь волновалась въ жилахъ его, и нервы напряглись, подобно тетивѣ на лукъ упругомъ. Вдругъ позвали его къ Факиру. Изисъ затрепеталъ; рѣшимость его поколебалась; онъ едва не измѣнилъ себѣ: но скоро ободрился въ душѣ своей, — побѣдилъ страхъ, который уступилъ мѣсто чувству свирѣлости. Мнѣ измѣнили! вскричалъ Изисъ: — но отъ кого ему узнать объ этомъ? А если такъ, то онъ не избѣгнетъ мщенїя руки моей. Жизнь его зависить отъ жизни Тиря.

Смѣло вошелъ Изисъ въ комна-
ту Факира ; но не могъ скрыть
того , что происходило въ его
сердцѣ. Изисъ! — сказалъ Му-
лика : для чего ты опсталъ отъ
меня въ мечети ? Отвѣтъ юно-
ши конечно не былъ бы удовле-
творителенъ для старика , знаю-
щаго людей , если бы онъ началъ
разпрашивать далѣе. Но Факиръ
принялъ волненіе и дикіе взоры
Изиса за сильную досаду , кото-
рую пылкому юношѣ причинила
какая - н и б у д ь непріятность.
Изясняя себѣ такимъ образомъ
его негодованіе , онъ хотѣлъ воз-
пользоваться симъ случаемъ и
попому не старался вывести Изиса
изъ его положенія.

Изисъ! сказалъ Мулика : ты
знаешь , что ты совершенно въ
моей власти ; могу повелѣвать по-
бою , какъ мнѣ угодно , но не хо-
чу оскорбить твоего самолюбія и
гордости , и даю полную свободу

швоему сердцу, — но тѣмъ боль-
 шей ожидаю отъ тебя покорно-
 сти. — Желая видѣшь опыты
 швоей смѣлости — и шо, въ со-
 стоянїи ли духъ швой бороться
 съ слабостями сердца? Вотъ те-
 бѣ кинжалъ и ключъ: поди ото-
 при дверь, чрезъ которую мы
 входимъ въ мечеть ночью. Подъ
 ногами найдешь камень: подними
 его; тамъ увидишь женщину, ко-
 торая должна умереть отъ руки
 швоей. Будь швердъ; да не ослѣ-
 питъ тебя красота ея и не про-
 нутъ слезы: это безбожница, за-
 служивающая гибль Пророка. —
 Тотчасъ по совершенїи сего дѣла,
 приди ко мнѣ и покажи кинжалъ
 окровавленный. Сей подвигъ еще
 болѣе приблизитъ тебя къ моему
 сердцу — и ты скоро будешь
 допущенъ ко всѣмъ нашимъ таин-
 ствамъ. — Сїи слова привели
 сперва въ ужасъ благороднаго юно-
 шу; но тотчасъ вспомнивъ, что

такое порученіе благопріятству-
 еств его намбренію, онъ крайне
 орадовался сему случаю. При-
 шедъ въ узилище помѣщейся Ти-
 ры, онъ съ силою льва раздра-
 женнаго разпоргъ ея оковы, и
 повелъ ее по длинному переходу
 съ обнаженнымъ въ рукахъ кин-
 жаломъ. Но вдругъ спалкивает-
 ся съ Муликою, который шелъ
 съ двумя своими поварями.
 Длинные факелы горѣли въ ру-
 кахъ ихъ, и освѣщали сіе зрѣли-
 ще ужасной смерти. Спрашныя
 проклятія посыпались изъ устъ
 кровожаднаго Факира: Мулика за-
 дыхался, попалъ ногами — и съ
 бѣшенствомъ бросился на Изиса
 и Тиру; но Изисъ предупредилъ
 его и стремглавъ повергъ на зем-
 лю. Умри, извергъ! взревѣлъ онъ:
 прими казнь, достойную звѣрской
 души твоей! О чудовище! не
 смертный, но духъ ада произвелъ
 тебя во гнѣвъ своемъ на мѣстѣ

смертнымъ. А вы, гнусные наемники Пророка, пресупные соучастники сего злодѣя! не дерзайте приближаться ко мнѣ, если жизнь вамъ еще любезна. Сокройтесь въ пещеры драконовъ, — но и гады ядовитые убѣжатъ отъ васъ со страху! Низринтесь въ бездонные пропасти; солнце ужасается васъ, — и мѣсяцъ блѣднѣетъ при воззрѣнїи на лица ваши!

Злодѣи окаменѣли — и въ безсилїи поверглись на землю. Изиcъ, взявъ съ собою Тиру, скрылся отъ нихъ — прежде, нежели могли узнатьъ его.

Ночь шемная благопрїяпспивовала ихъ бѣгству. Около двенадцати часовъ находясь въ дорогѣ, они пришли къ гавани, гдѣ къ щастїю ихъ случился корабль, готовый къ отплытїю. — Между шѣмъ Факиры, пришедъ въ память, начали придумывать, какъ

сокрышь трупъ Мулики, не подвергаясь опасности. Въ теченіи сего времени народъ, собираясь толпами, окружилъ мечешь, будучи привлеченъ нѣкоторыми изъ шѣхъ, кои, проходя мимо, слышали ужасные въ ней крики. Сдѣлалась тревога; пришла градская стража; выломали двери и стали обыскивать. Здѣсь открылось все то, что до сихъ поръ лицемѣріе и звѣрство сихъ злодѣевъ скрывали отъ народа и правительства. Желая подкупить судей, они не щадили сокровищъ, Аллѣ приносимыхъ; но все сѣе не помогло имъ и збѣгнушь своей участи. Судьи покусились на богатые подарки, но, дабы не навлечь на себя подозрѣнія, велѣли ихъ умертвить тайнымъ образомъ.

Три дни щасливо продолжалось плаваніе для Изиса и Тиръ; но на четвертый возснала страш-

ная буря и бросила корабль ихъ на мѣль у неизвѣстнаго острова. Изисъ, схвативъ въ объятія Тирю, бросился въ пенящіяся волны, и, по нѣкоторомъ бореніи съ ярящеюся стихією, достигъ благополучно берега; но Тира находилась въ смертномъ обморѣ. Онъ положилъ ее на солнце, и употреблялъ всѣ мѣры, какія только внушало ему сердце, дабы возвратить ее къ жизни: но Тира не пробуждалась.

Сорокъ лѣтъ провелъ Изисъ въ оплакиваніи Тиря на семъ островѣ, — и конечно умеръ бы въ неизвѣстности, если бы судьба не привела туда Генуезскаго мореходца, по имени Венукчіо. Сей нашелъ тамъ Изиса и отъ него узналъ о семъ происшествіи. Сей мореплаватель, по долговременномъ путешествіи, наконецъ возвратился въ свое отечество, и не привезъ съ собою ни

чего, кромѣ исторіи Изиса; кораблеверушеніе лишило его всего имущества: но онъ не ропталъ на Провидѣніе и почиталъ себя щасливымъ. Произшествіе Изиса, — часто говаривалъ онъ своимъ пріятелямъ, — во многомъ сдѣлало меня благоразумнѣе. — Взгляните на Азію; какое ужасное зрѣлище суесвяшество представляешь она! взгляните — и не давайте сему чудовищу владычествовать въ Европѣ; уклонитесь въры Магометовой, кляните звѣрство Мулики, спарайтесь подавлять въ сердцѣ вашемъ малѣйшій зародышъ порока. Познайте святость ученія Исусова, сравнивая оную съ вѣрою Магомета, который мечемъ возвѣщалъ законъ свой и огнемъ проповѣдывалъ ученіе.

ОТЕЦЪ ІОВЪ

И

ПАСТОРЪ БРЕМЪ

Въ одномъ не большомъ городѣ Швабскаго округа былъ Капуцдинской монастырь, въ которомъ находился добродѣтельный мужъ, по имени Отецъ Іовъ. Никто не зналъ о его происхожденіи. Онъ часто и самъ разказывалъ, что не знаетъ своихъ родителей, и что былъ воспитанъ у одного бѣднаго сапожника, который въ жестокиѣ морозы зимніе поднималъ его на улицѣ почти нагата; что ему было тогда не болѣе трехъ лѣтъ, и что сей сапожникъ, изъ жалости, взялъ его къ себѣ и вскормилъ его. По седьмому году пѣлъ онъ на клиросѣ въ ближнемъ монастырѣ, учился по латинѣ,

велъ себя хорошо и былъ наконецъ принятъ въ Капуцины. —

Всѣ въ монастырѣ любили доброго Іова ; ибо , при усердіи ко всякому , онъ соединялъ умъ и благородныя правила.

По общей къ нему отъ всѣхъ довѣренности, сей честный мужъ былъ посланъ собирать на монастырь подаваніе; и онъ исполнялъ сіе порученіе съ великою для себя честію. Вездѣ, гдѣ они подавали ему милостыню, — Іовъ вообще платилъ за нее въ десятеро : здѣсь утѣшалъ онъ несчастныхъ ; тамъ примирялъ ссорящихся ; а теперь соединилъ супруговъ, которыхъ раздѣляло несогласіе, — симъ способомъ собиралъ онъ болѣе сокровищъ нетлѣнныхъ для души своей, нежели жизненныхъ припасовъ для бѣднаго своего монастыря.

Часто, въ упомленіи отъ трудовъ, приходилъ онъ вечеромъ на

дворъ священническїй; потъ крупными каплями падалъ съ чела его, а успалость разливалась по всѣмъ его членамъ. Тутъ, при свѣтѣ мѣсяца, садился онъ подъ липою, разговаривалъ съ дѣшми того прихода, и внушалъ имъ страхъ Божїй и любовь къ Государю.

Какое зрѣлище представлялъ собою добрый отецъ въ кругу малюшкѣ! Иной изъ нихъ игралъ его шляпою, другой — бороною; всѣ осыпали его поцѣлуями и называли оцѣмъ Ювомъ. Сей спарецъ, прижимая ихъ къ груди своей, возводилъ очи свои на небо, — и слезы любви христїанской капились по его ланитамъ.

Первымъ попеченїемъ благочестиваго спарца было — расположить людей къ терпимости и челоуѣколюбію. — Друзья мои! говорилъ онъ: вы имѣете сосѣдей, кои не одного съ вами Исповѣданїя. Ради Бога живите съ ними

въ согласїи ; почишайте ихъ та-
 кими же людьми , какъ и вы са-
 ми ; почишайте ихъ своими брать-
 ями , и — молишесь за нихъ .
 Наипаче живите благочестиво
 и старайшесь опличаться дѣла-
 ми челоуѣколюбїя ; пусть иновѣр-
 цы изъ поступковъ вашихъ по-
 знають святость вашей Вѣры .
 Избѣгайте всячески споровъ , какъ
 скоро случится вамъ бытъ съ ни-
 ми вмѣстѣ — потому , что въ
 спорахъ всякому хочется бытъ
 правымъ ; а ошъ сего рождается
 только вражда , а не исправленїе .
 Одна любовь естъ шотъ магнитъ ,
 который влечетъ къ себѣ серд-
 ца всѣхъ и каждаго порознь . Лю-
 биверане не могутъ имѣть къ вамъ
 любви , не чувствуя напередъ поч-
 тенїя ; старайшесь же прїобрѣ-
 сти его — и они полюбятъ Вѣ-
 ру , которая содѣлала васъ люди-
 ми добродѣтельными .

Такъ мыслилъ — и проповѣ-
 довалъ Онецъ Іовъ : но Бремъ,
 Пасторъ ближняго Протестант-
 скаго селенія, думалъ совсѣмъ
 иначе. Онъ былъ смертельный
 врагъ всѣмъ иновѣрцамъ; но къ
 несчастію, во всякой Вѣрѣ есть
 люди, кои ненавидящъ послѣдова-
 телей другаго исповѣданія. Па-
 сторъ Бремъ не терпѣлъ Като-
 ликовъ; — и вселялъ въ прихо-
 жанъ своихъ къ нимъ ненависть;
 дѣшамъ же изображалъ онъ Папу
 чудовищемъ съ кошачьею головою
 и шитровыми когтями, — чудо-
 вищемъ, которое по увѣренію его,
 хочещъ пожрать всѣхъ младен-
 цовъ Протестантскихъ. Капу-
 цыны, говорилъ онъ, сушь медвѣ-
 ди и дикіе люди, которые съ дѣ-
 шей сдираютъ кожу. — Подоб-
 ныя глупости сего Пастора по-
 селили такой страхъ между всѣ-
 ми прихожанами, что обыкновен-
 но страшали въ этомъ селеніи

дѣшей сими словами : прятшесь ,
 — прятшесь , дѣши ! вонѣ идешѣ
 Папа! либо — Кануциѣ!

Опиду Юву извѣстно было пре-
 дубѣжденіе сего священнослужи-
 теля ; онѣ жалѣлъ обѣ немѣ вѣ
 душѣ своей — и часто молился ,
 да низпошлетѣ ему Богѣ случай
 вывести сего Пастора извѣ заблу-
 жденія .

Пасторѣ Бремѣ имѣлъ сердце
 доброе ; но безразсудная ненависть
 къ Каполикамѣ часто дѣлала его
 злымѣ человекѣмѣ . Терезія —
 супруга его , не рѣдко говаривала
 ему : „Любезный Бремѣ ! поми-
 луй , что ты дѣлаешь ? Ты не на-
 видишь Каполиковѣ безвѣ всякой
 причины ; вѣдѣ во всякой . Вѣрѣ
 есть люди честные и добрые .“
 Но Бремѣ смѣялся — и продол-
 жалѣ по своему дѣлать .

Бремѣ имѣлъ сына , прекрасна-
 го , какѣ Ангелѣ . Томасѣ былѣ
 ушѣшеніемѣ его жизни . Однаж-

ды, какъ онъ игралъ на улицѣ, случилось доброму отцу Іову проходить чрезъ это селеніе.

Едва показался онъ, какъ дѣти бросили играть и пустились за бѣднымъ Іовомъ. Медвѣдь! медвѣдь! со всѣхъ сторонъ кричали ему въ слѣдъ. Они бѣжали за нимъ, и бросали грязью и камнями въ бѣднаго Капуцина. Спокойно шелъ Іовъ своею дорогою; жалѣлъ о дѣтяхъ, но не клялъ ихъ. Тутъ надлежало ему проходить чрезъ мостъ. Онъ продолжалъ путь свой, будучи преслѣдуемъ язвительными насмѣшками мальчишекъ и покрытъ пиною и грязью; лице его было въ крови, а по щекамъ капились слезы крупными каплями. Когда они бѣжали за нимъ по мосту, сынъ Пасшора споткнулся и упалъ въ рѣку. Іовъ, увидѣвъ сіе несчастіе, тотчасъ бросился съ моста въ воду, и спасъ Тома-

са отъ смерти. Тутъ раздались крики: „Дикой вышпшилъ изъ рѣки Пасторова сына.“ — Сбѣжалась половина селенія, — и всѣ кричали: О доброй дикой!!

Слухъ дошелъ до Пастора. Роковая вѣсть была громовымъ ударомъ для отца ибжнаго. Тщепно Времъ хотѣлъ бѣжать; силы его оставили — и онъ упалъ въ креслы.

Въ сію минушу вошелъ отецъ Іовъ, держа на рукахъ Томаса. Вошъ вамъ сынъ вашъ! сказалъ онъ: радуйшесь — и возблагодарите Бога! — Іовъ хотѣлъ ийти, но Пасторъ остановилъ его. — Скажите, пожалуйста, — спросилъ онъ: кто васъ шакъ избилъ? — Ваши прихожане, отвѣчалъ Іовъ спойно: они бросали на меня камнями и грязью, называя меня медвѣдемъ и дикимъ. Благодарю Бога, что я

могъ зывестнх ихъ изъ заблужденія!

Пасторъ. Научите меня, какъ долженъ я благодарить васъ?

Говъ. Никакъ. Я исполнилъ только долгъ чловѣчества. Развѣ вы не сдѣлали бы того же на моемъ мѣстѣ?

Спыжусь самаго себя, — опѣчалъ Пасторъ, и признаюсь въ сей неправости. Просните меня, мужъ добродѣтельный! — Тутъ Пасторъ палъ къ нему на шею — и слезами раскаянїя смылъ кровь съ лица почтеннаго Гоа.

Дѣти эшаго селенїя такъ же не оспавляли Гоа и безпрестанно кричали: О добрый медвѣдь! доброй дикой! — Каждое слово поражало сердце Бремова и упрекало его въ жестокости.

Добрая Терезїя — супруга Бремова — побѣжала и тотчасъ принесла вина и бальзаму для

излѣченія ранъ Іова: она оказывала всякое усердіе и любовь къ избавителю своего Томаса.

Отецъ Іовъ! сказалъ Пасторъ: сдѣлайте мнѣ еще одно одолженіе, — подарите меня нѣсколькими днями вашего у насъ пребыванія. Я хочу предъ всѣми моими прихожанами загладишь мою несправедливостъ, оскорблявшую челоуѣчесво. Завтра мы будемъ торжесствовать праздникъ Терпимости. — Добродѣтельный Іовъ охотно согласился на приглашеніе Бремово.

Сей праздникъ отправляемъ былъ на канунъ того дня, въ которой Іову надлежало опять предпринять путь свой. — Рано по утру собрались юноши и дѣвицы подъ большую липу, опѣнявшую жилище Бремово.

Вѣнки изъ цвѣтѣвъ украшали юныхъ дѣвицъ, а гирлянды розовыя — рядъ деревьевъ, иду-

щихъ отъ жилища Пастора до
самаго луга. Тамъ изъ дерну
сдѣланъ былъ жертвенникъ; во-
кругъ него возвышались мрачные
ели и осѣняли мѣсто, Божеству
посвященное. Звуки психихъ сви-
рѣлей раздавались въ окресно-
стяхъ, и соловьи пѣли въ ближ-
нихъ кустарникахъ.

Пасторъ произнесъ трогатель-
ное слово и предъ всѣми призна-
вался въ своей несправедливости.
Онъ говорилъ съ жаромъ и рази-
тельностью о любви брагской,
обнималъ отца Иова, и шорже-
ственно просилъ у него проще-
нїя; Иовъ также обнялъ Брема и
лобызалъ его лобзанїемъ любви и
мира. Сей день прошелъ въ
заимныхъ изліянїяхъ дружбы и
трогательной признательности.

По окончанїи праздника пошли
за столъ. Старѣйшины сего се-
денїя были также приглашены,
— а послѣ обѣда посадили три

дерева въ ознаменованіе торжества любви брашней. Здѣсь, --- подѣ шѣнію сихъ деревьевъ, --- сказалъ Бремъ, --- будутъ нѣкогда опдыхать наши дѣши и бесѣдовать о священныхъ обязанностяхъ любви и мира.

Щастіе добродѣтельного Това было неизвѣстно; онъ въ полной мѣрѣ предался чувству радости --- и до полуночи проговорилъ съ Паспоромъ. Здѣсь, въ проташельномъ видѣ, они представляли себѣ, сколько люди могли бы улучшить жребій свой, если бы познали сладости любви взаимной.

Каково у васъ на щетѣ эшаго? спросилъ Бремъ.

Товъ. Очень худо, другъ мой! очень худо. Весьма не многіе помнятъ о любви къ ближнему --- и куда ни посмотришь, вездѣ видишь только несогласіе, ненависть и злобу. Каждое ваше слово, каждой вашъ шагъ толку-

юшѣ въ дурную сторону; другъ друга подозрѣваютъ, другъ другу не вѣрятъ и ни къ кому не имѣютъ ни доброжелательства, ни снисхожденія. Падаютъ ли кто изъ брашій, --- многіе тому радуются; возвышается ли кто, --- начинаютъ того ненавидѣть и въ шайнѣ сердца своего спростъ ему ковы. Словомъ --- я не понимаю, какую пользу приносятъ человѣчеству --- такъ называемое --- *просвѣщеніе*. Кажется, что мы все еще блуждаемъ во мракѣ, и ни мало не думаемъ о пріобретеніи свѣта Христова, --- сего истиннаго свѣта, который изливаетъ въ сердце человеческое любовь брашскую.

Радуюсь ошѣ души, любезный другъ мой! и благодарю Бога, что большую часть жизни провелъ я въ семъ странствіи. Въ монастырѣ же я живу слишкомъ уединенно; никуда не показываюсь

и утѣшаю себя мыслию, что не многіе знаютъ о моемъ существованіи. Весьма не охотно расстаюсь съ своею кельею, когда мнѣ должно итти куда-либо; ибо мнѣ не безвѣстно, сколько насъ вездѣ ненавидятъ! --- Но вступивъ одинъ разъ въ сіе званіе, можемъ ли мы переѣмъ его?

Во всякомъ званіи есть люди добрые: повѣрьте, любезный Бремъ! и въ нашемъ монастырѣ есть монахи истинно добродѣтельные и умные. --- Вы удивляетесь, что я съ такимъ первѣніемъ сносилъ обиды отъ дѣшей, когда они бросали на меня камнями и грязью. Ахъ! другъ мой! это для меня не новое: другіе хотя эшаго и не дѣлаютъ; но поступки ихъ не менѣе тяжелы и обидны. Люди --- такъ именуемые --- просвѣщенные, нередко называютъ насъ обманщи-

ками, ханжами, тунейдцами и, Богъ знаетъ! еще чѣмъ. Теперь представьте себѣ, добрый Пасторъ, каково это для человѣка честнаго въ нашемъ одѣянїи?

Истинно добродѣтельный тотъ, кто ни къ кому не имѣетъ ни ненависти, ни презрѣнїя --- и любитъ всякаго, хотя бы онъ былъ въ рубище, или съ копишомъ. --- Ахъ! любезный Бремъ! терпимосшь ни къ чему намъ не послужитъ, если сердце наше не скинешь съ себя коры предразсудковъ и не введетъ насъ во святилище челоуколюбїя.

Одно остается еще для меня загадкою: я желалъ бы знать, --- что люди разумютъ подъ именемъ просвѣщенїя? .... Признаюсь, --- я не замѣчаю, чтобы сердце челоуческое сдѣлалось образованнѣе и просвѣщеннѣе. --- Симъ смодянымъ факеломъ просвѣщенїя иному такой даюшь толчекъ подъ

носѣ, что у того нерѣдко кровь
брызжетъ. И къ несчастію это
очень обыкновенно. --- Взгляни-
те, въ чемъ иные полагаютъ
просвѣщеніе? Въ томъ, чтобы
отвергать все, чего не понима-
ютъ; чтобы ненавидѣть и гнать
всякаго, кто не согласенъ съ по-
бою въ мнѣніи. Еще скажу: кто
не имѣетъ дерзости опорочивать
законы и --- хранивъ привязан-
ность къ Вѣрѣ своей, того счи-
таютъ глупцомъ, изувѣромъ, за-
щитникомъ монаховъ и проч. ---
Скажите, къ чему ведетъ все
это?

Бремъ. Къ заблужденію -- къ
заблужденію, почтенный отецъ
Іовъ.

Іовъ. Точно къ заблужденію,
--- ибо если бы это было иначе,
то люди становились бы лучши-
ми, а не худшими, какъ мы по-
теперь видимъ. --- Гордость до-
казываетъ глупость, а упорство

въ своемъ мнѣнїи --- своенравїе.
 Скажите же, въ комъ болѣе то-
 го и другаго, какъ не въ нашихъ
 просвѣтителяхъ? Здѣсь я не ра-
 зумѣю наставниковъ истинно про-
 свѣщенныхъ; сіи послѣднїе крош-
 ки и снисходительны къ человѣ-
 честву --- и разливаютъ свѣтъ
 свой подобно солнцу, которое, ни-
 чего не испребляя, все согрѣваетъ
 своими лучами благошворными. Я
 думаю, Богъ все сіе попускаетъ
 съ тѣмъ, чтобы люди изъ вну-
 шренняго убѣжденїя познали, въ
 чемъ состоитъ добро истинное.
 --- Я Капуцинъ; но вы видите,
 такъ ли я думаю, какъ многіе
 объ насъ утверждаютъ? ... Ахъ,
 любезный Пасторъ! должно ли пре-
 зирать монаха за то, что онъ,
 сообразно данной имъ клятвѣ,
 исполняетъ правила своего орде-
 на? --- Мой орденъ предписыва-
 етъ мнѣ носить эполтъ копи-
 шонъ, --- и я ношу его; законы

повелѣваютъ мнѣ повиноваться моему начальнику, --- и я повинуюсь; а переѣнись это постановленіе, тогда измѣнился и моя покорность. Стараясь быть хорошимъ Капуциномъ, я дѣлаюсь честнымъ и добрымъ человекомъ. Вотъ единственная цѣль моихъ желаній, любезный Пасторъ? --- И меня вездѣ гонятъ, вездѣ презираютъ.

Бремъ. О! люди большею частію бываютъ несправедливы.

Иовъ. Вы оказываете мнѣ столько добродушія, но предъ судилищемъ нынѣшняго просвѣщенія поступаютъ со мною иначе. Тамъ судятъ по званію. Онъ монахъ! говорятъ они: то вѣрно или плутъ, или глупецъ. --- Справедливъ ли сей приговоръ, другъ мой? Вступивъ въ сіе поприще, я все не пересталъ быть такимъ человекомъ и членомъ Государства; оно дало мнѣ это званіе, а не самъ

я; оно обѣщало мнѣ защиту подѣ симъ одѣянїемъ --- почто такъ, какъ обѣщаетъ ее воину подѣ знаменами, за которыми онъ слѣдуетъ. Если же напропивъ мое званїе не совмѣстно съ выгодами опечеснѣва, то моя ли въ томъ вина? Но я все остаюсь сыномъ опечеснѣва, которое не можешь и не должно лишить меня своей защиты. Государство состоитъ изъ нѣсколькихъ званїй: каждое изъ нихъ имѣетъ свои обязанности, --- и попѣ, кто выполняетъ ихъ, ни мало не заслуживаетъ презрѣнїя.

Бремъ. Каждое ваше слово проникаетъ въ мое сердце; вы говорите такъ убѣдительно и судите основательно.

Ювѣ. Такъ вамъ кажется, любезный Паспоръ! --- Но сколько есть такихъ, которые слова мои сочтутъ ложными! буде сказалъ бы это человекъ свѣпскїй, то

многіе сего друга истины назвали бы ханжею и ревностнымъ защипникомъ монаховъ.

Брелѣ. Къ сожалѣнію, не лзя съ эшимъ не согласишься; но скажите, почтенный Отецъ Іовъ! какой способъ считаете вы лучшимъ къ доспиченію терпимости?

Іовъ. Одинъ, любезный другъ! --- Евангеліе, которое учитъ насъ любить ближняго, какъ самаго себя: оно единственно служило основаніемъ сей великой добродѣтели. Любить Бога паче всего земнаго, исполнять его заповѣди, почитать всякаго чловѣка своимъ братомъ, преслѣдовать предразсудки, а не чловѣка, убѣждать всякаго дѣлами добродѣтельными и любовію --- вопіть все, что ведетъ насъ къ терпимости! другаго нѣтъ способа. --- Духъ гоненія не совмѣстенъ съ добрымъ сердцемъ; ибо пропивенъ духу

любви. Насмѣшки и поступки оскорбительные исправить не могутъ; только дѣлами любви Христіанской сего достигнуть можно. Онѣ убѣждаютъ болѣе, нежели всѣ блестящія слова краснорѣчія. Но вотъ уже заря: пора мнѣ оставитьъ васъ, любезный другъ мой!

Наши собесѣдники распались, какъ друзья нѣжные; взаимное пожаліе руки и наверхуиіеся на глазахъ слезы облегчили для нихъ разлуку.

Іовъ возвратился въ свой монастырь, гдѣ съ неперпѣнїемъ ожидала его любовь Гардіана. Но случившееся съ нимъ происшествіе уже было извѣстно въ монастырѣ, и нѣкоторые изъ монаховъ (какъ обыкновенно не у всѣхъ образъ мыслей одинаковъ,) не проминули оказать ропотъ на Іова за то, что онъ долго пробылъ у Пастора Люшеранска-

го. Это явный соблазнъ, говорили они. Изъ числа ихъ отецъ Валентинъ болѣе всѣхъ былъ недоволенъ и наконецъ довелъ до того, что Гардіанъ принужденъ былъ позвать къ себѣ отца Іова.

Сей явился къ настоятелю съ видомъ такого чловѣка, котораго совѣсть чиста, подобно источнику свѣплому. Гардіанъ взглянулъ на него --- и слезы заблещали на глазахъ добродушнаго епарца. Понимаю, сказалъ Іовъ, --- и бросился къ ногамъ смиренному дреннаго: для спокойствія всего монастыря мнѣ должно понесши наказаніе. Осудите меня на тяжкую епипимію, --- но осудите *сами*; я знаю ваши чувства и съ сердечною покорностію подвергнусь вашему приговору. --- Гардіанъ благосклонно поднялъ отца Іова и --- плакалъ. Повелите заключить меня, и наложите строгой постъ приде-

ный, --- сказалъ смиренный Іовъ: Отецъ Валентинъ конечно удовольствуется моимъ наказаніемъ; а я стану молиться, да вразумитъ Богъ отца Валентина и покажетъ ему, что въ поступкѣ моемъ не было ничего соблазнительнаго. Иди съ миромъ, --- сказалъ Гардіанъ, --- и прими мое благословеніе.

Черезъ три дни всѣ по прежнему въ монастырѣ успокоились; а на четвертой рано поутру пришелъ отецъ Валентинъ къ Іову со слезами сердечнаго раскаянія. Я много виноватъ передъ тобою, любезный братъ! --- сказалъ онъ: прости меня; я былъ причиною твоего наказанія; но теперь вижу свою несправедливость --- и винюсь передъ тобою. Тотъ самый Пасторъ, у котораго ты былъ, оказалъ незабвенное благодареніе моимъ родителямъ. Вчерашняго дня ночью

сдѣлался у нихъ пожаръ; добродѣтельный Бремъ бросился въ обвѣятой пламенемъ домъ, и на щепъ собственной опасности, спасъ лучшую часть изъ имѣнїя. Его старанїемъ прекращены дальнѣйшія слѣдствїя пожара, и тѣмъ цѣлой рынокъ избавленъ отъ угрожавшаго несчастїя. Прочитай это письмо. Какъ терзаетъ меня собственная несправедливость!..

Крошкая улыбка сердечной радости блеснула на чель спарца Христїанина; онъ обнялъ Валентина называя его своимъ братомъ. Весь монастырь бралъ участїе въ семъ великодушномъ примиренїи --- и радовался, видя ихъ друзьями. --- --- Однажды Гардїанъ пригласилъ къ себѣ Пастора Брема --- и сдѣлалъ небольшой праздникъ въ торжесиво челоуколюбїя. Милосердымъ окомъ взирало Божество на сихъ истинно мудрыхъ, и благословило

благородныя чувства ихъ благословеніемъ небеснымъ. Почтенный старецъ, коего бѣлая брада величественно струилась по персямъ, проливалъ слезы радости на семъ празднествѣ — и сей день, какъ лучшій въ своей жизни, онъ внесъ въ записную свою книжку.

Святое челоуѣколюбіе! какъ часто изгоняютъ тебя изъ великолѣпныхъ чертоговъ! Только въ мирной хижинѣ и мрачной обители иноковъ воздвизаются тебѣ жертвенники. Тамъ, по шемнымъ переходамъ, не рѣдко блуждаютъ люди съ лучшимъ сердцемъ --- и души добродѣтельные --- при тускломъ свѣтѣ лампы въ часы полунощи, когда мѣсяцъ освѣщаетъ надгробные камни на кладбище --- вопіютъ къ Богу о истинномъ благѣ челоуѣковъ.

Іовъ жилъ долго; онъ былъ украшеніемъ монастыря, и умеръ

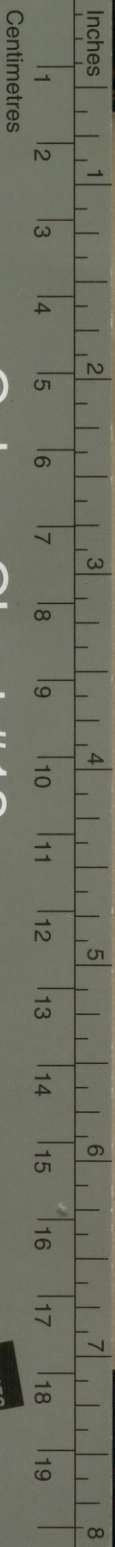
оплакиваемый всѣми добродѣтельными. Часто друзья челоуѣчества посѣщали его могилу и роняли слезы чувствительности въ память его добродѣтеле . А пѣ, кои подробно знали о жизни сего почтеннаго инока , весьма нерѣдко прихаживали во время темной ночи , и бродили по уединенной обители , когда храмъ скрывался во мракѣ, и деревянный крестъ съ ужаснымъ величїемъ представлялъ колоссальной образъ свой въ черной тѣни.

КОНЕЦЪ Ш-й ЧАСТИ.

ОРЕЛЬ.

Въ Губернской Типографіи.
1818 года.

Colour Chart #13

Blue	Blue
Сyan	Сyan
Green	Green
Yellow	Yellow
Red	Red
Magenta	Magenta
White	White
3/Color	3/Color
Black	Black

●плаквив
ными.
ства п
няли сл
памяшь
кои под
почтени
ко прих
ночи ,
обителл
во мрак
ужасны
даль ко
черной

КО

Въ Гу

